

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ВАДИМ ПРОСКУРИН

ПЛАМЯ
ДЕМЕТРЫ

Вадим Геннадьевич Проскурин
Пламя Деметры
Серия «Золотой цверг», книга 2

BiblioNet

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119804

Пламя Деметры: Армада, Альфа-книга; Москва; 2004

ISBN 5-93556-355-X

Аннотация

Изменение социального строя на Деметре породило гражданскую войну, в которую оказались вовлечены все слои общества, включая наркоторговцев. Не остались в стороне и аборигены планеты – ящеры, их жизненные интересы были существенно затронуты строителями светлого будущего. Анатолий Ратников, попавший на Деметру по служебным делам, волею судьбы становится одним из главных действующих лиц происходящих событий. Боец высокого класса, он не только сражается за «правое дело», балансируя на грани жизни и смерти, но и попадает в виртуальную тюрьму, откуда в реальный мир, как правило, нет возврата. Но и здесь он находит выход, спасая себя и товарища. Только вот ради чего все это? Кому была нужна революция? Кто ее заказал? А если это эксперимент над многомиллионным населением планеты?

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	4
ГЛАВА ВТОРАЯ	56
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	94
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	139
Конец ознакомительного фрагмента.	157

Вадим Проскурин

Пламя Деметры

Out of the silent planet

Come the demons of creation.

Iron Maiden

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Пройдя метров пять по коридору, Анатолий вышел в боковую дверь и, стараясь двигаться бесшумно, направился вверх по узкой винтовой лестнице. Анатолий был уверен, что Ибрагим все понял, поэтому старался двигаться не только тихо, но и быстро. Сейчас нельзя задерживаться, с каждой секундой растет вероятность, что кто-то передумает – либо Ибрагим, либо сам Анатолий.

Жаль, что так получилось. Анатолий не мог согласиться с Ибрагимом, хотя и понимал, что его точка зрения тоже имеет право на существование. Если карты легли так, что им суждено провести остаток жизни на этой планете, лучше, чтобы он прошел в относительном комфорте. А война с ящерами...

как там говорится, зубов бояться... то есть волков... ни в лес не ходить, ни в Красную армию... Интересно, кстати, что это за армия такая была... наверное, та самая! в которой Пушкин служил...

Анатолий взбирался вверх по лестнице, а в голову лезла всякая ерунда. Он мог приказать процессору отсечь ненужные мысли, но не хотел этого делать. Незачем понапрасну расходовать внутренние источники, скоро в дело пойдет вся энергия, какая только есть в организме.

Ибрагим не прав в одной очень важной вещи – он относится к ящерам как к людям. А к чужим нельзя относиться как к людям, люди есть люди, а чужие есть чужие, это, как говорится, и ежу понятно. Цель жизни состоит в поддержании жизни, но не жизни вообще, а жизни только своего вида, остальные виды имеют право на существование лишь постольку, поскольку не мешают виду, к которому принадлежит субъект. Да, это жестокая концепция, но она единственно верная, потому что, если кто-то думает так, а ты думаешь иначе, он выиграет, а ты проиграешь. Жаль, что ящеры обречены, но такова их судьба, с этим ничего не поделаешь.

Лестница закончилась, но не открытой площадкой, как рассчитывал Анатолий, а запертой металлической дверью. Анатолий активировал имплантаты и обнаружил, что дверь не бронированная, а просто металлическая, но с каким-то датчиком. На то, чтобы определить тип датчика, ушла минута, и еще одна минута потребовалась, чтобы выбрать и реа-

лизовать оптимальный метод его отключения.

С замком обстояло сложнее. Наверное, Ибрагим справился бы с ним играючи, но у Анатолия не было подобного опыта. Поэтому он мысленно перекрестился и привел в действие мускульные усилители.

Долгие семь секунд ничего не происходило, если не считать того, что температура тела Анатолия повысилась на три градуса, а мышцы правого бедра перегрелись настолько, что там началась денатурация белка. Процессор непрерывно бомбардировал мозг Анатолия тревожными сигналами и Анатолий уже собрался было вернуться обратно, когда дверь поддалась.

Самым слабым звеном оказались дверные петли. Здоровенный шуруп просвистел около уха Анатолия, толстая стальная пластина оторвалась от бетона, второй шуруп оглушительно звякнул, ударившись о стену, а затем последовала барабанная дробь остальных шурупов. Толковая была идея установить такую мощную дверь на такие ненадежные крепления.

Дверь рухнула с оглушительным грохотом. Инерция вынесла Анатолия вперед, он оттолкнулся обеими ногами от пружинящего стального листа и взмыл вверх. Этот прыжок стоил ему пары сотен сожженных мышечных волокон в обоих бедрах.

В верхней точке прыжка Анатолий привел в действие сюрприз, по крайней мере, он надеялся, что для охраны бункера

эта штука окажется сюрпризом. Ранец Бэтмена, ранее принадлежавший Ибрагиму, все еще висел за плечами Анатолия, так уж получилось, что он не нашел времени его снять. Аккумулятор был заряжен почти до предела, дождь временно прекратился, и все это вместе взятое давало Анатолию шанс на успех. Неплохой шанс, особенно если учесть, что ранец Бэтмена на Деметре – экзотика и пулеметчики вряд ли проходили соответствующий курс обучения.

Анатолий подал мысленную команду, и гравитационный двигатель в сотую долю секунды вышел на форсированный режим. Земля ушла из-под ног, холодный и влажный ветер больно ударил в незащищенное лицо. Стокилограммовая железная дверь попала в зону рассеивания, ее подхватило вихревое гравитационное поле, она взлетела вверх, как гигантская бабочка, поднялась метров на пять, вышла из зоны действия поля и рухнула на крышу бункера с грохотом, рвущим барабанные перепонки.

Анатолий надеялся, что часовые, сидящие у пулеметов, не имеют должного опыта стрельбы по летящим мишеням. В самом деле, на ком им практиковаться, не на бабочках же! И вряд ли они готовы к тому, что кто-то будет совершать побег с охраняемой территории таким необычным для Деметры способом. И тем более вряд ли они представляют себе, на что способен в воздухе терминатор с искусственным гравитационным полем за плечами.

Анатолий отключил тягу двигателя, сгруппировался, по-

вернул тело на четверть оборота вперед и попытался распрямиться. Это ему, естественно, не удалось, на скорости сто километров в час сопротивление воздуха не преодолеть без мускульных усилителей, которые Анатолий не стал включать. Но цель была достигнута, движение замедлилось.

Перегрузка выдавила воздух из груди, но он был к этому готов. Дождался, когда скорость упадет вдвое, и включил мускульные усилители. Тело распрямилось и приняло нужное положение. Анатолий снова врубил форсаж и мысленно обратился к богу.

Видимо, обращение достигло адресата, потому что запоздалая пулеметная очередь расплосовала воздух метрах в пяти от того места, где только что был Анатолий. Немедленно отозвался второй пулемет, он стрелял неприцельно, похоже, часовой запаниковал и палил в белый свет как в евроцент. Это хорошо, сейчас должно сработать стадное чувство, остальные бойцы, выскочившие на улицу, тоже начнут стрелять куда ни попадя, а потом электрические пули достигнут земли и начнется такой бардак, в котором сам Мойше Даян не смог бы грамотно выстроить план боя.

Анатолий резко снизился и над самыми верхушками деревьев снова поменял вектор тяги, выходя на пологую баллистическую траекторию. Он начал глубоко дышать, насыщая кровь кислородом. Полет будет проходить на большой высоте, придется экономить энергию, аккумулятор хоть и заряжен под завязку, но для того чтобы пролететь почти две-

сти километров в плотных слоях атмосферы, никакого аккумулятора не хватит. Вот если бы траектория была суборбитальной... без скафандра – самоубийство. И еще в точке назначения придется маневрировать...

Анатолий в последний раз проверил траекторию и мысленной командой перевел мобилу в режим поиска сети. Кто его знает, какая сейчас над Олимпом противовоздушная оборона. Лучше вступить в переговоры пораньше, тогда будет больше шансов остаться в живых.

2

Наверху что-то оглушительно гроыхнуло. Якадзуно вскочил на ноги и потянулся за пистолетом.

– Не дергайся, – сказал Ибрагим, – а то еще попадешь под шальную пулю.

– Какую еще пулю? Что там происходит?!

– Наш друг Анатолий делает ноги.

– Как? Куда? Зачем?

– Как – у него под курткой мой ранец Бэтмена. Куда – в Олимп. Зачем – поступить на службу в особый отдел братства.

Сверху снова гроыхнуло, на этот раз грохот был такой, как будто один металлический лист уронили на другой с высоты второго этажа. Где-то вдали застрекотал пулемет, ему отозвался второй. По коридору прогрохотали тяжелые сапо-

ги, захлопали одиночные пистолетные выстрелы.

– Ушел, – констатировал Ибрагим. – Еще бы ему не уйти, с его-то навыками. Интересно, долетит он до Олимпа?..

Якадзуно ничего не понимал. Ибрагим так спокойно говорит, что Анатолий их предал...

– Ты знал? – спросил Якадзуно. – Знал и отпустил его?

– Знал и отпустил, – подтвердил Ибрагим. – Сам подумай, как я мог его задержать? Оглушить и связать? А дальше что? В расход? Ты, конечно, извини, но для меня это неприемлемо. Я считаю, что наркоторговцы лучше, чем братство, он считает по-другому, но кто точно знает, кто из нас прав? Ты сам как считаешь?

Якадзуно растерялся. Он был уверен, что из бункера ведут только два пути – в сопротивление и в могилу. А поскольку трудно сразу сказать, на чьей стороне лучше воевать, почему бы не повоевать на стороне сопротивления? Лучше всего вообще не воевать, но если это никак невозможно, вступить в сопротивление можно, хотя бы для вида. А тут вдруг выясняется, что есть еще и третий выход...

– Вот и я не знаю, – сказал Ибрагим. – Я для себя решил, что пока буду за сопротивление, но как дальше все повернется... Слишком много вопросов, слишком много неясного. Примерно через неделю тебе придется окончательно определиться, с кем ты. Если ты выберешь братство, я все организую, уедешь в Олимп или куда-нибудь еще, куда захочешь. А если решишь остаться со мной, придется повоевать. Что

скажешь?

– Это достойное решение. Через неделю я сделаю выбор.

Дверь распахнулась и на пороге появился Аламейн. Пахло озоном – тяжелый электрический пистолет, зажатый в его руке, явно только что стрелял, причем не один раз. Глаза Аламейна металы молнии.

– Ваш друг сбежал! – крикнул он.

– Да, я знаю, – спокойно сказал Ибрагим. – Мы посоветовались и наши мнения разошлись, Анатолий решил, что братство ближе к его идеалам, чем ваша уголовная команда. А мы с Якадзуно решили, что лучше уж быть с вами, чем с этими фанатиками. Я принял решение, Рашид, я согласен возглавить вашу богадельню.

– Ты не должен был его отпускать!

– С этого момента я сам решаю, что я должен, а чего не должен. Или ты отменяешь свое предложение? Оно было пустышкой?

Аламейн немного успокоился.

– Нет, – сказал он, – оно не было пустышкой. Но зачем?

– А зачем нам боец класса Е, который служит по принуждению? Или ты намекаешь, что я должен был его ликвидировать? Нет, Рашид, я не убиваю своих друзей, даже если наши пути расходятся. В последний раз спрашиваю – твое предложение в силе?

– В силе, – согласился Аламейн.

– Тогда скажи своим олухам, чтобы не тратили патроны

понапрасну. А когда они успокоятся, проводишь меня к терминалу и дашь полный доступ.

– Полный доступ имеют только администраторы...

– Я имею в виду полный доступ к документам. Пошли. Аламейн тяжело вздохнул и они пошли.

3

Очень трудно не дышать целый час, даже если ты прошел трансформацию класса Е. Анатолий старался экономить энергию всеми возможными способами, но она все равно убывала слишком быстро. Поддержание обмена веществ, поддержание температуры тела, обеспечение активности мозга – все это истощало внутренние резервы организма с такой скоростью, что в Олимпе Анатолий не сможет драться даже с ребенком. Впрочем, если все пойдет по плану, драться ему и не придется.

Мобила сообщила о входе в зону покрытия. Анатолий немедленно обратился в SMS-справочную и запросил телефон особого отдела братства. справочная предоставила номер, но оказалось, что этот телефон не умеет принимать текстовые сообщения. А разговаривать голосом Анатолий сейчас не мог, для этого нужно снизиться хотя бы до пяти километров.

Анатолий посмотрел вниз и обнаружил, что снижаться нельзя – внизу бушевал шторм, причем шторм крайне

необычный. Гигантская нежно-розовая туча, которая, должно быть, с земли выглядит иссиня-черной, наткнулась на невидимую преграду и расползлась вдоль нее на протяжении километров тридцати, если не больше. Очевидно, это и есть ветровой щит, который воздвигло братство. Только у самого горизонта преграда кончалась, там туча обходила ее край, создавая в атмосфере колоссальное завихрение. Непосредственно под Анатолием в невидимом щите зияла трехсотметровая пробоина, в которую ураганным ветром засасывало клубы водяного пара. Казалось, что туча вырастила из себя кинжал, сверкающий молниями, этот кинжал проткнул невидимое полотно и вытянулся вперед на десятки километров, постепенно рассеиваясь.

К счастью, пробоина образовалась в стороне от центра щита и гигантский облачный язык прошел мимо Олимпа. Сам город, уже отчетливо видимый прямо по курсу, был ярко освещен закатным солнцем. Жители, должно быть, и не знают о грозовой полосе, протянувшейся совсем рядом с окраиной города.

Анатолий запросил у справочной службы почтовый адрес особого отдела. Получив адрес, Анатолий составил короткое письмо и отправил его по этому адресу. Письмо было предельно лаконично: Сдаюсь. Анатолий Ратников.

Ответа на письмо не было, зато с земли Анатолия коснулся луч направленного сканера. Выходит, какая-то ПВО здесь есть. Анатолий замедлил движение, растрчивая последние

крохи энергии, и начал снижаться. Как бы этот маневр не восприняли как попытку уйти от атаки...

Детекторы Анатолия зафиксировали гравитационную вспышку прямо по курсу. Автономная граната. Остается только надеяться, что сейчас она в разведывательном режиме, а не в боевом. На всякий случай Анатолий посмотрел вниз, обнаружил в километре от себя небольшую ферму и резко спикировал, окончательно сажая аккумулятор. Когда до земли оставались считанные метры, Анатолий понял, что не рассчитал, энергии на мягкую посадку не хватало, но было уже поздно. Все, что он сумел сделать, – это направить себя в большую навозную кучу. Падать было мягко.

4

– Значит, вы и есть Анатолий Ратников? – спросил Сингх, задумчиво разглядывая худощавого темноволосого мужчину лет тридцати пяти – сорока, почему-то одетого в грязный и драный халат из числа тех, какие обычно носят неквалифицированные работники коммунальных служб. Халат был надет прямо на голое тело.

Анатолий кивнул.

– А вы, должно быть, Абубакар Сингх? – спросил он.

– Да, это я, – согласился Сингх. – Откуда вы меня знаете?

И почему, кстати, вы так странно одеты?

Дзимбээ, сидевший на соседнем стуле, хихикнул и шмыг-

нул носом.

– Я упал в навозную кучу, – спокойно сказал Анатолий. – Подлетая к городу, я был замечен системой ПВО, на перехват взлетела автономная граната, и я счел за лучшее совершить экстренную посадку. Энергия была на исходе, поэтому пришлось...

– Я понял, – остановил его Сингх. – Но вы не ответили на мой первый вопрос.

– Когда господин Дуо встретил меня на ферме, он потом позвонил вам со своего телефона.

– И что? У вас при себе есть оборудование для радиоперехвата и дешифрования?

– Нет, я просто прочитал ваше имя на экранчике телефона. У меня очень острое зрение. Дзимбээ облегченно перевел дыхание.

– Рад с вами познакомиться, – сказал Сингх. – Рассказывайте.

Анатолий не стал задавать глупых вопросов, что, дескать, рассказывать.

– Формально я являюсь курьером высшего класса корпорации «ИстернДивайд». В прошлом – майор десанта в отставке. Боевая трансформация класса Е, набор имплантатов – стандартный для десанта.

– Причина отставки? – прервал его Сингх.

– Психологические проблемы. Я участвовал в подавлении мятежа кришнаитов, мне пришлось убить четверых детей.

Насмотрелись фильмов, захотели поиграть в войну...

– Я понял, продолжайте.

– В начале марта я получил задание переправить с Гефеста компактный конфиденциальный груз страховой стоимостью один миллион евро. Заказчиком выступала корпорация «Уйгурский палладий», пункт назначения не был указан. По прибытии на Гефест я узнал, что груз должен быть переправлен на Деметру некой фирме под названием «Ифрит плюс». Со стороны заказчика со мной общались Сяо Ван Гу, начальник отдела логистики УП, и Джон Рамирес, какой-то менеджер среднего звена той же корпорации. Предметом перевозки была большая и очень тяжелая золотая статуэтка, предположительно изготовленная цвергами и имеющая религиозное значение. Характер груза и поведение представителей заказчика показались мне подозрительными...

– Что именно показалось вам подозрительным?

– Не могу точно сказать. У меня неплохо работает интуиция, как у всех военных, и когда я провел медитацию...

– Понял, продолжайте.

– Я показал фотографии статуи одному ученому ксенологу, точнее, одной ученой, она женщина. Она сказала, что узоры на поверхности статуи похожи на цвергские только для неспециалиста, а на самом деле они не несут никакого смысла и не могли быть созданы цвергами. Я провел еще одну экспертизу, она показала, что статуя изготовлена из низкокачественного золота людьми в передвижном геологическом

лагере. Внутри статуя была пустотелая, ее начинка представляла собой какую-то соль тяжелого металла.

– Вы узнали, что это за соль?

– Тогда нет. Если не возражаете, я предпочел бы рассказывать по порядку.

– Да, конечно.

– Я не успел окончательно выяснить характер начинки, потому что получил экстренный вызов на поезд. Заказчик почему-то решил срочно отправить меня грузовой капсулой. Я погрузился на борт и на третьи сутки путешествия прибыл на Деметру. В поездке меня сопровождал сотрудник службы безопасности «Уйгурского палладия» по имени Якадзуну Мусусимару. По прибытии на Деметру статуя была задержана на таможне, поскольку, как оказалось, ввоз подобных грузов запрещен местным законодательством. Я доложил начальству о случившемся. Я ожидал, что начнется большое судебное разбирательство, но на следующий день оказалось, что получатель расплатился за доставку груза и отказался от всех претензий. Через несколько дней, когда я обедал в ресторане, ко мне подошел человек, который представился как подполковник службы планетарной безопасности Ибрагим Бахтияр. Он стал расспрашивать меня об этой статуе...

– Что вы ему рассказали?

– Все.

– Разве вы не были связаны подпиской о неразглашении?

– Был. Но груз явно носил криминальный характер, кроме

того, Ибрагим намекнул, что внутри статуи находится ядерный заряд.

– Только намекнул или он знал точно?

– Знал точно. Потом я поехал в «Истерн Дивайд», но такси привезло меня к какому-то заброшенному складу. Когда я вышел из такси, на меня напали двое бандитов, я уничтожил одного из них, а второго допросил под феназином.

– Феназин у вас был с собой?

– Нет, его привез Якадзуно. Когда бой закончился, я связался с Ибрагимом и он сказал, что ко мне сейчас приедет Якадзуно. Оказывается, Якадзуно с ним сотрудничал.

– Якадзуно работал на СПб?

– Насколько я понимаю, у них было разовое сотрудничество. Служба безопасности «Уйгурского палладия» тоже что-то заподозрила, они проводили свое расследование, а когда поняли, что сил не хватает, обратились в СПб.

– Что было дальше?

– Пленный рассказал, что получил приказ на мою ликвидацию от некого Абу Хантури по прозвищу Крокодил. Мы с Якадзуно отправились по указанному адресу, и как раз в этот момент началась революция. Мы поехали в комплекс СПб, попали под ядерный удар, машина была разбита, я – тяжело ранен. Нас спасли ящеры, они отвезли нас в свое жилище и ухаживали за мной, пока я не выздоровел. Потом мы поехали в Олимп, я связался с Ибрагимом, он назвал адрес, по которому находился, и сообщил, что у него проблемы. Он

страдал от лучевой болезни.

– Он выжил?

– Да.

Лицо Сингха выразило огорчение.

– Что дальше? – спросил Сингх.

– Мы поехали в офис «Уйгурского палладия», оказывается, начинка статуи была там. Мы забрали начинку и уехали из Олимпа. Пока Ибрагим выздоравливал, мы были у ящеров, а потом я решил вернуться к вам, а они остались там.

– Начинка статуи у них?

– Она уничтожена.

– Как?

– Я выбросил ее в болото.

– Вы помните место?

– Нет, я специально выбрал место без заметных ориентиров.

– Вы можете указать это место хотя бы приблизительно?

– Только с точностью до двадцати километров. Но это не поможет, в том районе сейчас жуткая буря, все болото перелопачено, начинку уже никак не достать.

– Это около щита?

– Да.

– Зачем вы ее выбросили?

– Эта вещь слишком опасна, чтобы принадлежать кому бы то ни было.

– Где сейчас подполковник Бахтияр?

– Этого я вам не скажу. Извините.

– Мне казалось, вы хотите устроиться к нам на службу.

– Я бы хотел этого, но я не могу ответить на ваш вопрос.

– Ибрагим Бахтияр – наш враг. Если вы хотите с нами работать, вы должны о нем рассказать.

– Ибрагим Бахтияр – мой друг. Если вы будете настаивать, я не смогу с вами работать.

– Вы понимаете, что мне придется с вами сделать?

– Это невозможно.

– Разве ваша трансформация блокирует действие феназина?

– Моя трансформация позволяет мне совершить самоубийство в любой момент. Кроме того, на любое насильственное действие я отвечу ответной агрессией.

– Ваши источники энергии истощены.

– Хотите проверить?

– Гм... пожалуй, нет. Хотите сказать что-нибудь еще?

– Я получил достоверную информацию, что нарко готовят террористические операции против верхушки братства. Кроме того, они вооружают ящеров, они хотят создать из них целую армию. Некоторые бароны собираются разграбить фермы и плантации, плохо охраняемые и наиболее отдаленные от Олимпа. Чтобы обитатели ферм не подняли тревогу, предполагается всех людей уничтожить, а на разграбленных фермах создавать имитацию того, что хозяева уехали, спасаясь бегством от новой власти.

– Одну минуту, – Сингх уткнулся в консоль стационарного компьютера.

Прошло целых три минуты, Сингх изучал какие-то документы и его лицо постепенно мрачнело. Наконец он сказал:

– Боюсь, что это похоже на правду. Дзимбээ, разберись. Хотя нет, подожди.

Сингх нажал несколько клавиш на консоли, вытащил из принтера свежотпечатанный лист бумаги и протянул его Анатолию.

– Прочитайте, – сказал Сингх. – Если со всем согласны, подписывайте.

– Кое с чем не согласен, – сказал Анатолий. – Я бы хотел сделать оговорки вот здесь и здесь, что я имею право не совершать действия, причиняющие вред моим друзьям.

– Если вы подпишете контракт, ваши друзья станут вашими врагами.

– Вот этого мне бы и не хотелось.

– Тогда получится, что вы сможете отказаться выполнять любой приказ.

– Я не буду отказываться без крайней необходимости.

– Вы согласны на психоблок?

Анатолий задумался примерно на полминуты, после чего решительно сказал:

– Согласен.

– Замечательно, – Сингх извлек из принтера еще один лист бумаги. – Подписывайте.

Анатолий внимательно прочитал текст контракта и распечатался внизу.

– У вас стандартный нейрошунт? – спросил Сингх.

– Да.

– Вход через мобилу?

– Да.

– Давайте ее сюда и откройте входной канал. Ага. Подождите минуту. Есть. Познакомься, Дзимбээ, это наш новый сотрудник. Пока пусть подчиняется непосредственно тебе, возьмишь его с собой, проверишь в деле". Вопросы?

– Я хотел бы получить официальное подтверждение чрезвычайных полномочий, – сказал Дзимбээ.

– Думаешь, все так плохо?

– Просто на всякий случай.

– Хорошо, сейчас, минуту... вот, держи. Еще вопросы? Тогда все. Дадим миру шанс.

– Дадим миру шанс! – откликнулся Дзимбээ. Анатолий ничего не сказал, а его лицо скривилось в гримасе отвращения.

5

Вертолет вынырнул из облаков, тряска сразу стала слабее, а через некоторое время совсем прекратилась. Если бы стекла иллюминаторов не были такими запотевшими, можно было бы разглядеть звезды.

Якадзуно почувствовал, что его сердце куда-то проваливается. Сила тяжести в салоне быстро уменьшалась – вертолет переходил на гравитационную тягу. Стрекот пропеллеров замедлился и вскоре совсем затих, в наступившей тишине было отчетливо слышно, как загудели сервомоторы, складывающие лопасти несущих винтов. Затем винты убрались в специальные пазы на крыше и наступила полная тишина.

Якадзуно находился в задней части салона, ему было хорошо видно все происходящее впереди. Ибрагим сидел в первом ряду, рядом с Аламейном, на коленях Ибрагима лежала переносная консоль, он что-то внимательно изучал, время от времени перебрасываясь репликами с Аламейном. Весь проход между креслами был завален всевозможными мешками, сумками, тюками и баулами, что неудивительно – когда сворачивается лагерь, в котором постоянно обитало почти тридцать человек, всегда выясняется, что вещей скопилось гораздо больше, чем кто-либо мог представить себе. А ведь есть еще багажный отсек...

Якадзуно изучал лица попутчиков. Если не знать, что за прошлый год они произвели более одного процента всех наркотиков, потребляемых на Земле, в это невозможно поверить. Эти люди были совсем непохожи на тех наркодельцов, каких показывают в фильмах, скорее они напоминали то ли коммунистических революционеров, то ли пионеров-первопроходцев, исследующих новую планету. Все были одеты в камуфляж, вооружены до зубов, многие отпустили бороды,

прямо-таки отряд Че Гевары на марше. Только Че Гевара никогда не летал на гравилетах.

Тощий чернобородый араб в передней части салона забыл вовремя пристегнуться к креслу, и теперь добрая половина пассажиров развлекалась, глядя, как он завис под потолком и не мог дотянуться ни до спинки кресла, ни до потолка. Он забавно корячился, пытаясь дотянуться хоть до чего-нибудь, но товарищи даже не пытались помочь ему. Другой на месте Якадзуно подумал бы, что у наркодельцов очень недружный коллектив, но Якадзуно хорошо знал, что это впечатление обманчиво. В таких компаниях обожают пошутить над опростоволосившимся товарищем, но в случае серьезной опасности каждый готов отдать свою жизнь во имя спасения остальных.

Араб все-таки дотянулся до кресла, и не мужской гордостью, как советовали товарищи, а рукой. Он стукнул пальцами о спинку кресла, а затем его коллеги некоторое время наблюдали, затаив дыхание, как его тело медленно дрейфует к потолку. Араб не стал дергаться раньше времени, он дождался, когда приблизится к потолку настолько, чтобы можно было нормально оттолкнуться. Когда он оттолкнулся и опустился в кресло, ухитрившись извернуться в полете так, чтобы сесть как положено, а не на голову, по салону разнесся вздох разочарования. Бесплатное развлечение сорвалось.

– Ну, Абдулла дает, – высказался сосед Якадзуно, совсем молодой парень, по виду то ли индус, то ли вьетнамец. – Хо-

чешь? – он расстегнул дорожную сумку и вытащил из нее фляжку с чем-то алкогольным.

– Амброзия? – предположил Якадзуно. Сосед рассмеялся и помотал головой.

– Коньяк, – сказал он. – У каждого уважающего себя пионера под кроватью стоит бочонок с амброзией, но ни один уважающий себя пионер ее не пьет, – он рассмеялся своей шутке.

– Пионеры – это вы? – уточнил Якадзуно.

– А как нам еще себя называть? Извергами рода человеческого? – он снова рассмеялся. – Дхану меня зовут. Именно Дхану, а не Дану. Дану – это уроды такие в толкиенских игрищах.

– Якадзуно, – представился Якадзуно и протянул руку.

Рукопожатие состоялось. Дхану раскупорил фляжку, наполнил колпачок коньяком и протянул его Якадзуно. Коньяк был неплох. Не «Дербент», конечно, но и не «Наполеон», так, что-то среднее.

– Как тебе? – спросил Дхану.

– Неплохо. Французский? Дхану рассмеялся в третий раз.

– Самогонка, – сказал он. – Коза варила.

– Какая коза? – не понял Якадзуно.

– Химичка наша. На самом деле ее зовут Галя, но у нас ее все Козой называют.

– За что? Страшная или вредная?

– Нет, что ты! Отличная баба, увидишь – слюнями исте-

чешь. Никто и не помнит уже, почему она Коза. Мин Го, не помнишь, почему она Коза?

– Не, не помню, – обернулся пионер, сидевший перед Дхану. – Коза – она и есть Коза. Но самогонку классную делает.

Якадзуно сделал еще один глоток. Коньяк был именно коньяком, а не самогоном, Якадзуно не мог поверить, что эту благородную субстанцию изготавливают обычной перегонкой. Они что, издеваются?

– Что, не веришь? – спросил Мин Го. – Никто не верит, и зря. Коза над этой формулой три года билась...

– Два, – перебил его пожилой седобородый араб, сидевший рядом с Мин Го и до этого момента сосредоточенно пялившийся в окно в безуспешной надежде увидеть что-нибудь интересное.

– Да иди ты, Ахмед! – огрызнулся Мин Го. – Тебя еще здесь не было, когда она первую партию сварила.

– Мне Родриго рассказывал.

– Ты его больше слушай! Между первым и вторым ураганом прошло три года, Коза начала с коньяком возиться сразу после первого урагана, а после второго мы квасили уже с тобой вместе. Родриго сам ничего не знает, только лапшу на уши вешает.

Ахмед пробурчал что-то нечленораздельное, отвернулся и снова уставился в окно.

– Коза – классный химик, – гордо заявил Дхану. – Ты не смотри, что она красавица, мозги у нее тоже варят. Как она

к нам пришла, у нас сразу выработка вдвое поднялась, она какую-то бактерию синтезировала, которая осшин не только из листьев выделяет, а вообще из всего растения. Комбайн проходит, из задницы у него соломка высыпается, так эту соломку хоть курить можно, хоть суп на ней варить, и ничего не будет. Катализатор там какой-то... хрен поймет, короче. Коза еще грозитя, что коньячную бактерию вырастит, прикинь, заливаешь в бак помой, а из крана коньяк течет и никакой перегонки не нужно.

– Да хватит тебе мозги пудрить, – буркнул Ахмед. – Из дерьма коньяк ни в жизнь не сделаешь.

– Уже и преувеличить нельзя, – огрызнулся Дхану. – Ну не из дерьма, а из растительной клетчатки, тоже дерьмо еще то. Этот вот коньяк сварен из лвухсылва.

– Лвухсылк, – автоматически поправил его Якадзуно. – Лвухсылв – это в именительном падеже. И вообще, этот кустарник правильно называется лвухсахемэ, лвухсылв – его корни.

– Ты что, по-ихнему разговариваешь? – восхитился Дхану. Круто!

– Да нет, я так, – засмутился Якадзуно, – немного понимаю, и все. Мы с Анатолием три недели у них жили, пока у него спина заживала, и еще потом, когда Ибрагим от лучевой болезни отходил.

– То-то я думаю, чего это он брови сбрил, – заметил Мин Го. – А он правда терминатор?

– Он говорит, что у него класс F. Он в первый день девятьсот рентген поймал и еще жив.

– Ни хрена себе! – воскликнул Дхану. – А в бою он как?

– Не знаю, я с ним не дрался. Но у Анатолия класс E, а дерется он так, что против него вообще ничего не сделаешь, стоит себе смирно, а как попробуешь ударить, так сразу на земле оказываешься. А Ибрагим еще сильнее Анатолия.

– Анатолий – это тот козел, который сбежал?

– Он не козел. Он нормальный человек, просто вас не любит.

– Никто нас не любит, – заметил Ахмед и хихикнул. – А ты нас любишь?

– Нет, – признался Якадзуно, – но леннонцев я люблю еще меньше, чем вас. Стихи пророка мне нравятся, но то, что они взорвали вокзалы... и еще терраформинг этот...

– Какой еще терраформинг?

Ибрагим внезапно обернулся и погрозил пальцем. Якадзуно понял, что сболтнул лишнее, густо покраснел, виновато развел руками и слегка поклонился. Ибрагим еще раз погрозил пальцем и снова уткнулся в консоль.

– Что ты у меня спрашиваешь? – огрызнулся Якадзуно. – У Ибрагима спрашивай.

– Ты что? – удивился Дхану. – Кто я и кто Ибрагим?

– Тогда не спрашивай, – отрезал Якадзуно и сделал вид, что увидел в иллюминаторе что-то интересное. На этом разговор закончился.

Анатолий сидел в мягком кресле, на коленях у него стоял килограммовый торт «Птичье молоко», от которого он откусывал большие куски и глотал их, почти не жуя. Время от времени он прикладывался к двухлитровой бутылки кока-колы без газа. Потери энергии надо срочно восполнять.

– Что нового? – спросил Дзимбээ.

– Принципиально нового – ничего, – ответил Анатолий, проглотив очередной кусок, – все то же самое. Картина преступления уже ясна...

– Это не преступление, – уточнил Дзимбээ. – Это война. Анатолий пожал плечами.

– Разве война – не преступление?

– Давай не будем заниматься философией. Что здесь произошло?

Анатолий окинул внутренним взглядом весь массив информации, собранной роботами-ищейками. Пожалуй, они насобирали уже достаточно. Кое-что пока остается тайной, непонятно, например, как произошло первоначальное проникновение... но это уже мелочи. Анатолий вздохнул и начал говорить:

– Позавчера утром здесь еще были хозяева, супружеская пара с двумя детьми, один – мальчик лет четырех, вторая – двухлетняя девочка.

– Как ты определил? – удивился Дзимбээ.

– Вон та комната, – Анатолий указал пальцем, – была детской. В шкафу у дальней стены хранились игрушки, роботы обнаружили на полках следы низкокачественной пластмассы. На полу рядом с дверью следы мочи, форма пятна говорит о том, что там стоял детский горшок. Химический анализ показал наличие гормонального состава, характерного для организма двухлетней девочки.

– А мальчик?

– На унитаз установлено детское сиденье, а около унитаза подставка, чтобы ребенок мог писать стоя. Эти мерзавцы немного просчитались, они забыли забрать с собой сиденье и подставку, видимо, просто не подумали. Ни один нормальный родитель не оставил бы эти вещи, перебираясь на новое место.

– Если только они не уезжали в большой спешке.

– Тогда они оставили бы в доме большую часть игрушек. Нет, хозяйева уехали не сами, это совершенно точно, тут есть и другие следы.

– Какие?

– Следы ящеров во дворе и в доме. Здесь побывало двое посторонних людей и четверо ящеров. Они тщательно уничтожили следы, ни один человек ничего не заметит, такие следы могут обнаружить только роботы. Может, еще собаки.

– У нас нет полицейских собак, – вздохнул Дзимбээ, – все до единой уничтожены в первый день. Обидно.

– Так вот, – продолжал Анатолий, – здесь были двое людей и четверо ящеров. «Электрическое» оружие не применялось, следов драки тоже нет. Видимо, работали отравленными иглами.

– Трупы не обнаружены?

– Пока нет. Роботы трудятся, но, скорее всего, нападавшие забрали трупы с собой. Проще выкинуть их в болото, чем закапывать на участке.

– Из имущества что забрали?

– Все, что представляет хоть какую-нибудь ценность. Да и все остальное тоже. Имитация отъезда очень хорошая, лопухнулись только один раз – с детским сиденьем на унитазе.

– Все это здорово, – задумчиво произнес Дзимбээ, – но доказательств у нас нет. Да, здесь были ящеры, да, хозяйева уехали, но с чего ты взял, что их убили? Только из-за того, что на унитазе забыли детское сиденье? Может, его действительно забыли?

– Около дома следы двух грузовиков. Один все время стоял в гараже, на другом приехали люди и ящеры.

– Может, за фермерами заехали их друзья?

– Может, и так, только я в это не верю. Я отправил двух роботов по следам грузовиков, так что через несколько минут мы выясним, кто из нас прав. Вряд ли следы, которые мы ищем, очень далеко отсюда... Ага, вот оно! Пойдем!

Минут через десять Анатолий и Дзимбээ стояли на относительно сухом пригорке посреди бескрайнего болота. Пе-

ред ними лежали четыре трупа – два взрослых и два детских, только что выкопанных роботами из грязи. Рядом суетились два робота. Металлические пауки полутора метров в диаметре, резвые и проворные, движущиеся со странной неживой грацией, производили жутковатое впечатление, их тонкие и невесомые лапы легко и непринужденно переворачивали труп крупного мужчины не менее девяносто килограммов весом.

– Смерть наступила от отравления синильной кислотой, – озвучил Анатолий информацию, полученную через нейрошунт. – Обычные отравленные иглы, выпущены, судя по всему, из обычной пневматики.

Второй робот передал Анатолию очередную порцию информации, заставившую того сморщиться.

– Женщина изнасилована, – сообщил Анатолий. – Причем изнасилована уже после того, как убиты остальные.

Дзимбээ никак не отреагировал на эти слова, только губы его немного сжались.

– Скажи роботам, чтобы все тут сфотографировали, – сказал он.

– Уже.

– Тогда пускай грузятся в вертолет. Нам здесь больше нечего делать.

– Надо похоронить тела.

– Отвезем их в Олимп, похороним там. Эти паучки сумеют дотащить их до вертолета?

– Эти – за два захода. Я могу вызвать на подмогу других, из дома.

– Вызывай и пойдем. Слушай, Анатолий, ты ведь можешь использовать свой внутренний процессор вместо обычного компьютера?

– Да, а что?

– Документ набрать сможешь?

– Легко.

– Тогда подготовь отчет и сбрось мне на мобилу. Пойдем, не могу больше смотреть на это.

Анатолий подумал, что последние слова Дзимбээ плохо сочетаются с образом нестигаемого самурая, которому он тщательно пытается следовать. Видать, вырвались против воли.

7

Хируки Мусусимару, главный юрист корпорации «Уйгурский палладий», а по совместительству еще и крестный отец карманной преступной группировки вышеозначенной корпорации, сидел за компьютером и внимательно изучал бизнес-таблицы. Сторонний наблюдатель не смог бы опознать в этом немолодом, добродушном и абсолютно неспортивном человеке одного из самых влиятельных воротил преступного бизнеса планеты Гефест. Вот и сейчас Хируки просматривал вовсе не годовой отчет родной компании, как можно было

подумать, бросив беглый взгляд на экран компьютера.

Хируки изучал годовой отчет корпорации «Хэви Метал Майнерз». Если бы генеральный директор «Уйгурского палладия» господин Дхавапути увидел эту подборку документов, он немедленно сделал бы Хируки своим заместителем по вопросам безопасности. А если бы господин Дхавапути узнал, каким образом Хируки получил эту информацию, он нанял бы киллера.

Есть один бородатый анекдот, известный с древнейших времен. Приходит солдат к командиру и говорит: «Что мне будет, если я добуду вражеское знамя?» Командир обещает солдату золотые горы. Тогда солдат идет к окопам противника и кричит: «Мужики! Давайте знаменами меняться!» Чтобы добыть годовой отчет «Хэви Метал Майнерз», Хируки пришлось провернуть подобный фокус. Годовой отчет «Уйгурского палладия» отправился в штаб-квартиру конкурентов, причем это был самый настоящий годовой отчет, без каких-либо купюр или исправлений. Соблазн подсунуть противнику дезинформацию был очень велик, но Хируки решил не рисковать, ведь кто его знает, может, помимо выявленных шпионов ХММ в VII работают и другие.

Суть фокуса заключалась в том, что документ, ушедший в ХММ, содержал в служебной области один маленький скрипт, который, попав во внутреннюю сеть чужой компании, осмотрелся по сторонам, внимательно изучил антивирусную защиту, не обнаружил в ней ничего заслуживающего

внимания и начал размножаться. Когда он решил, что размножился достаточно, то залег на дно и с тех пор начинал действовать только тогда, когда этого хотел Хируки. Этот скрипт стоил «Уйгурскому палладию» целую прорву денег, даже больше, чем неограниченный доступ к маршрутизаторам «Гефест онлайн».

Как ни странно, неизвестный менеджер ХММ, согласившийся на обмен документами, не обманул своего партнера. В голове Хируки даже мелькнула шальная мысль – а не спрятан ли в полученных материалах такой же троянский конь? Но нет, широко известный в узких кругах хакер Квалква всегда поставляет вместе с боевыми программами соответствующие средства защиты. За все годы, что Хируки работал с Квалква, тот ни разу не обманул его, да и другие заказчики никогда не уличали этого хакера в двойной игре.

Основной целью операции, которую затеял Хируки, было внедрение вируса в сеть врага. Сейчас стало очевидно, что операция прошла успешно. Но Хируки никак не мог отделаться от мысли, что можно было обойтись и без вируса, ведь самое интересное из того, что удалось обнаружить в документообороте, лежало на поверхности, как раз в этом самом годовом отчете.

За истекший год «Хэви Метал Майнерз» добыла, обогатила и переплавил в слитки около полутора килотонн осмия. Одна килотонна ушла на Землю, сто с небольшим тонн – на Гаю, на Деметру не ушло ничего, потому что связь с

этой планетой внезапно оборвалась в середине апреля и с тех пор так и не восстановилась. Оставшиеся триста с лишним тонн не могли быть вывезены с планеты никаким образом – у Хируки были агенты на всех грузовых терминалах. Остается только одно – металл остался на Гефесте.

Вполне логично – раз рынок сбыта временно перестал быть доступным, значит, надо наполнять склады. Но то, что выработка осмия в ХММ не только не уменьшилась, но даже увеличилась, – это уже ни в какие ворота не лезет. Одно из двух – или у них появился какой-то большой проект здесь, на Гефесте, или канал Гефест-Деметра все-таки продолжает работать.

Зачем на Гефесте может потребоваться такое количество осмия? Незачем. До сих пор не известно ни одной технологии, для которой потребовались бы сотни тонн этого металла. Осмий уступает платине и палладию по всем параметрам, кроме некоторых совсем уж экзотических. Может быть, что-то, связанное с цвергской химией... Да, об этом стоит подумать.

С другой стороны, предположим, что осмий ушел на Деметру. Тогда вопрос «почему осмий, а не палладий и не платина» получает очевидный ответ – потому что статистические сводки по осмию не привлекают к себе такого пристального внимания, как по двум другим близким металлам. Хируки не поленился слазить в энциклопедию и обнаружил, что да, действительно, почти во всех случаях осмий можно ис-

пользовать вместо палладия. На практике это так же глупо, как делать низковольтные электрические провода из серебра вместо меди, но в особых случаях... почему бы и нет... Да, эту версию тоже нужно проверить.

Хируки открыл адресную книгу и дважды щелкнул по имени Рю Акидзиро. Рю, конечно, не самый подходящий человек для такой миссии, но никого лучше под рукой все равно нет. Лучше было бы сына отправить, но... стоп! Якадзуно уехал на Деметру и не вернулся, а потом туда же отправились еще шесть человек, включая бывшего крестного отца. Да, все сходится, связь с Деметрой оборвалась через считанные дни после того, как они покинули Гефест. Что-то здесь наверняка кроется...

Хируки открыл форму отправки письма и начал составлять задание для Рю Акидзиро.

8

Сингх бегло просмотрел фотографии и отложил их в сторону. Несколько секунд он сохранял неподвижность и безразлично смотрел в пространство, а потом вдруг улыбнулся.

– Теперь ты понимаешь, почему я принял Ратникова на службу? – спросил он.

– В благодарность за то, что он рассказал вам об этом деле? – предположил Дзимбээ.

Сингх отрицательно помотал головой.

– Нет, Дзимбээ, – сказал он, – я не настолько сентиментален. Я взял его потому, что во всем Олимпе только три чело-

века способны управлять полицейскими роботами. Если не считать Ратникова, то два.

– Только двое? – изумился Дзимбээ.

– Да, только двое, все остальные уничтожены в первый день революции. Не распространяйся об этом, информация считается государственной тайной. Народу незачем знать, что военная элита не поддержала революцию.

– Это народ и так знает.

– Одно дело знать, что армия выступила против, и совсем другое – знать, что во всем Олимпе остались только три человека с трансформацией класса Е.

– Интересно, сколько таких людей служит наркобаронам...

– Один точно служит, подполковник Ибрагим Бахтияр. Непонятно, как он выздоровел, я смотрел в справочниках, девятьсот рентген лечится только в специализированном госпитале, какая бы трансформация ни была. Не иначе, шайтан помог. Короче. Я докладываю Сашке, а ты пока подумай, как можно на эту тему организовать хороший телевизионный репортаж.

– Разве того, что я привез, мало?

– Мало. Мы с тобой знаем, что такое полицейские роботы, а обычный олимпийский обыватель видел их только в кино. Начинается большая война, а в большой войне побеждает тот, у кого бойцы сражаются за правое дело. А чтобы народ думал, что сражается за правое дело, надо, чтобы его проняло. А чтобы его проняло, надо показать ему настоящее шоу

с кровью и соплями, а не то, что привез ты. Давай действуй, время дорого. И Ратникова с собой возьми, он лишним не будет.

9

Над головой загудели сервомоторы, застрекотали пропеллеры и сила тяжести начала постепенно возвращаться. Вертолет перешел с гравитационной тяги на обычную, а это означает, что он начинает готовиться к посадке.

Якадзуно прильнул к иллюминатору, но ничего не увидел, ночью, как говорится, все кошки серы. Хорошо иметь трансформацию высокого класса, вот Анатолий, например, посмотрел бы сейчас в окно и сказал бы, что за аэродром внизу, сколько вокруг зданий, сколько человек находится на базе, какая здесь ПВО и много чего еще. Если бы у Якадзуно были при себе инфракрасные очки, он смог бы полюбоваться пейзажем, но Якадзуно забыл очки в «Капибаре», которая осталась далеко позади.

Вертолет приземлился, пропеллеры остановились, пионеры стали навьючивать на себя вещи и пробираться к выходу. У Якадзуно не было вещей, из-за этого он чувствовал себя белой вороной, но старался не показывать вида.

Едва Якадзуно вышел на посадочную площадку, его перехватил Аламейн.

– Далеко не отходи, – сказал он. – Сейчас я одно дело сде-

лаю, потом пойдём поговорим.

С этими словами Аламейн скрылся в темноте. Якадзуно отошел в сторонку и некоторое время стоял, озираясь по сторонам и делая вид, что вовсе не ощущает никакой растерянности.

– Все, я освободился, – раздался над самым ухом голос Аламейна.

Якадзуно вздрогнул.

– Ты что очки не надеваешь? – удивленно спросил Аламейн.

– В машине забыл, – смущенно сказал Якадзуно.

– Так возьми! А, в той машине... а чего молчал-то? Эй, Хасан! Принеси очки человеку. Ящики потом отнесешь, сначала очки, потом ящики. Давай бегом.

– Да не стоит... – смущенно забормотал Якадзуно.

– Стоит, – решительно заявил Аламейн. – У нас тут ночного освещения нет, без очков сам шайтан ногу сломит. Ага, вот, – он протянул Якадзуно очки.

Якадзуно надел их, и мир сразу прояснился.

Вертолетная площадка была совсем маленькой, на ней уже стояли две тридцатиместные двухвинтовые машины и еще две она могла принять. Наземного транспорта в ближайших окрестностях не наблюдалось, похоже, автостоянка у пионеров располагается где-то в другом месте.

Якадзуно поднял голову и обнаружил, что показавшееся ему вначале незначительным дефектом зрительного прибора

на самом деле представляет собой маскировочную сеть, которой была затянута вся площадка. Как раз сейчас какие-то люди спешно восстанавливали секцию, которую пришлось снять, чтобы вертолет смог совершить посадку.

Вокруг ничего не было видно – ни зданий, ни каких-либо других сооружений, вообще ничего, похожего на следы человеческой деятельности. Голая поляна посреди джунглей, на поляне два вертолета, и все.

– У нас тут все под землей, – пояснил Аламейн. – С воздуха ничего не видно, СПБ до сих пор не знает, где находится наш город. Добро пожаловать в Исламвилль!

– Вы фундаменталисты? – заинтересовался Якадзуно.

– Нет, мы прагматики. Так сложилось, что у нас в отряде много мусульман, вот так город и назвали.

– Вас тут много?

– Вместе с женщинами и детьми – чуть меньше двух тысяч.

– Разве у вас тут не вахтовый городок?

– Ты что? Какой вахтовый городок? Да простого рабочего отсюда ни в жизнь не выпустят! Скажешь тоже – вахтовый городок! Рядом с такими тайнами вахтовых городков не бывает. Пойдем, покажу тебе, где жить будешь.

По дороге Аламейн непрерывно доставал Якадзуно вопросами. Якадзуно успел рассказать, что никакой специальной трансформации он не проходил, что он неплохо владеет ушу, но стреляет, как полный чайник, и никогда не прохо-

дил военного обучения, исключая краткосрочный курс техники скрытых операций в условиях городской инфраструктуры Гефеста. Другими словами, для дела сопротивления он практически бесполезен.

– Это ты зря, – заметил Аламейн, – ты себя недооцениваешь. Ребята говорят, ты болтаешь по-ящерски, это правда?

– Совсем чуть-чуть. Если ящер говорит медленно, разборчиво и простыми словами, тогда я кое-что понимаю. Простую фразу составить могу...

– Это уже немало.

– Разве у вас тут не все говорят на ухуфлай! Ведь на плантациях работают только ящеры.

– У нас не люди говорят по-ящерски, а ящеры говорят по-человечески. Ящерскую болтовню никогда специально не изучали... зря, наверное. Твоя основная работа – сотрудник безопасности большой компании?

– Да.

– Специализация?

– Контрразведывательное обеспечение объектов добывающей промышленности. Работа с агентами, специальные операции...

– Какого рода?

– Ну... подставить инициативника, например...

– Провокации, что ли?

– У нас это слово не любят употреблять.

– Извини. С диверсионной деятельностью не сталкивал-

ся?

– Нет, только чистая контрразведка. По диверсиям только лекции слушал.

– Тоже неплохо. На безрыбье, как говорится... Сейчас я покажу тебе комнату, некоторое время поживешь в городе, а потом для тебя подготовят особое задание. Ребятам о нашем разговоре ничего не говори, они поймут, у нас к секретам все привычные. В караул ходить не будешь, скажешь, что освобожден от всех видов службы до особого распоряжения. Уяснил?

– Уяснил, – кивнул Якадзуно.

Он не стал задавать вопросы, хотя их накопилось уже немало. Но зачем задавать вопросы, если на них все равно никто не ответит, пока не придет время?

10

Анатолий сидел в развилке ветвей высокого и развесистого дерева, которое ящеры называют лев. Сидеть было неудобно, ноги затекали, приходилось часто менять позу, и уже недалек тот час, когда все положения станут одинаково неудобными и придется просить собственный процессор отрезать лишние эмоции. Анатолий не любил так делать, он предпочитал чувствовать себя нормальным человеком, а не киборгом.

Анатолий сидел здесь уже второй час. С каждой минутой

ему становилось все труднее отгонять злость и сомнения. Да, это место подобрал большой псевдоинтеллектуальный компьютер, он проанализировал все случаи внезапного исчезновения фермеров, принял к сведению гипотезу, что все они похищены неизвестными пришельцами из джунглей, и в рамках данной гипотезы спрогнозировал место следующего налета. Псевдоинтеллектуальные компьютеры ошибаются редко, но все-таки ошибаются, и с каждой минутой Анатолию казалось все более вероятным, что на этот раз компьютер ошибся. Хорошо еще, что дождь временно прекратился.

Дорога сюда была похожа то ли на кошмар, то ли на комедию. Вначале Анатолий летел на вертолете, а последние двадцать километров его тащили на специальных носилках роботы-пауки. Дзимбээ настоял на этом способе перемещения, он привел убедительные аргументы, и умом Анатолий понимал, что Дзимбээ был прав. Действительно, на гравилете в сезон дождей летать нельзя, вертолет легко обнаруживается самыми примитивными приборами, а следы посадки вертолета ничем не замаскируешь. Автомобиль тоже оставляет следы. Идеальный вариант – идти к цели пешком, но пройти двадцать километров по болоту и не выдохнуться способен только ящер, человеку такое не по силам. Вот и пришлось проявить смекалку и воспользоваться подручными средствами.

Миссия роботов заключалась не только в том, чтобы доставить Анатолия к цели. Сейчас большие металлические

пауки заняли наблюдательные позиции вокруг фермы и внимательно обзревала как подходы к ней, так и происходящее на самой ферме. Когда начнется операция (если начнется), они заснимут все происходящее на видео, а потом помогут Анатолию разобраться с лесными партизанами. Если только партизаны придут.

Роботы непрерывно передавали картинку с фермы, поначалу Анатолий с интересом смотрел на то, что там происходит, потом это ему надоело. На ферме жила самая обычная семья – пожилой мужчина восточноазиатского типа и пролетарской внешности и две его жены – симпатичная индианка лет сорока и совсем молодая девушка европейского типа, толстая и страшноватая на вид. Это была именно вторая жена, а не дочь, отцы дочерей так не тискают. А если даже и дочь... лучше было бы так, тогда его не жалко... но зато ее жалко еще сильнее.

Также на ферме обитали четверо детей в возрасте от одного до восьми лет, две некрупные собаки и большой черный кот. Скотины не было, ферма специализировалась исключительно на выращивании грибов. Какие именно грибы растут на окрестных полях, Анатолия не интересовало. Было бы несложно попросить одного из роботов закинуть автономный модуль внутрь здания, чтобы он изучил документы, но Анатолию было наплевать, что там написано. Если компьютер не ошибся и ферма действительно будет атакована, всем этим людям не жить. Конечно, Анатолий мог бы их спа-

сти, но это не входит в его задачу – Сингх сказал, что народу нужно зрелище с кровью и соплями, а такие зрелища никогда не обходятся без жертв.

Один из роботов зафиксировал движение, и в кровь Анатолия мгновенно хлынул адреналин. К ферме быстро приближался большой грузовик на воздушной подушке, раза в два больше, чем «Муфлон». Анатолий не помнил, как называется эта модель. Кто сидел в кабине, пока оставалось тайной – даже роботы не смогли ничего разглядеть сквозь грязевую завесу, создаваемую пропеллерами.

Собаки залаяли. Хозяин вышел во двор, прикрикнул, заставив их замолчать, и внимательно прислушался. Затем он вернулся в дом и снова вышел во двор, теперь в руках у него был портативный огнемет.

Грузовик остановился перед воротами и плюхнулся брюхом в грязь. Пропеллеры остановились. Водительская дверь поднялась и из кабины вылез молодой белобрысый парнишка, совсем еще мальчик, никак не старше семнадцати лет. Анатолий приказал ближайшему роботу выдать звуковой ряд.

Мальчишка вылез из машины, и стало хорошо видно, что в его руках нет никакого оружия. Он недоуменно огляделся по сторонам и нерешительно постучался в ворота.

– Что надо? – отозвался хозяин фермы неожиданно звучным басом.

– Я, кажется, заблудился.

– Джипиэска сломалась?

– Похоже на то. Говорит, что я в центре Олимпа, – парень глупо хихикнул.

– Олимп по азимуту 261.

– Это куда? На восток?

– Я же сказал – азимут 261. Не понимаешь, что такое азимут?

– Честно говоря, не очень.

– И откуда ты только взялся такой на мою голову?.. Сейчас открою.

Пожилой фермер загрохотал засовами, и секунд через тридцать в стене рядом с воротами с громким скрипом распахнулась калитка. Фермер высунулся наружу и в ту же секунду в его шею воткнулась оперенная игла. Стреляли из грузовика, через приоткрытое пассажирское окно. Очевидно, длинноствольное духовое ружье с инфракрасным лазерным прицелом – из более дешевого оружия такой точный выстрел не сделаешь.

Фермер рухнул в грязь, задние двери грузовика распахнулись, наружу выскочили ящеры с пневматическими пистолетами, они передвигались четко и слаженно, как бойцы конфедерации при десантировании. Четверка ящеров распалась на две двойки, одна рванулась к распахнутой калитке, вторая сиганула через двухметровый забор. Анатолий невольно залюбовался грацией, с которой двигались ящеры.

Маленький серый пес неопределенной породы яростно

залаял и бросился на чужаков. Один из ящеров отклонился от курса, ударил собаку хвостом, пес с визгом закувыркался в воздухе, успел сделать полтора оборота, а затем когтистая лапа оборвала собачий крик, свернув псу шею.

Вторая собака выскочила во двор, но только для того, чтобы разделить участь первой.

Оконное стекло зазвенело и рассыпалось тысячью осколков. Не дожидаясь, пока осколки окончательно осыплются, ящер влетел внутрь. Из дома донесся заполошный женский крик, через долю секунды он оборвался. Разбилось второе окно, второй ящер ворвался в дом, и все стихло. Больше из дома не донеслось ни звука.

Анатолий подумал, что все-таки следовало запустить внутрь фермы хотя бы одного робота, картинка могла получиться великолепная. Он представил себе, что сейчас происходит в доме, и к его горлу подступил комок.

Пассажирская дверь грузовика поднялась, и на сцене появился еще один участник представления – японец или китаец средних лет, очевидно, тот самый снайпер. Он достал сигарету и окинул безразличным взглядом тяжелые ворота из дерева ехав, распахнутую калитку и белобрысого парня, с любопытством заглядывающего в нее. Далее японец прикурил, пару раз затянулся и крикнул:

– Никита! Чего встал? Иди в дом!

– Подожди, – огрызнулся Никита, – ящеры еще не закончили.

– Так сейчас закончат.

Из разбитого окна вылез ящер, через его плечо было перекинута безжизненное тело второй жены хозяина фермы, той, что помоложе.

– Эй, люди! – крикнул он. – Женщина нужна?

Никита подошел поближе, приподнял голову пленницы, критически осмотрел лицо, пощупал бедра и грудь, после чего отрицательно помотал головой.

– Такаси! – крикнул он. – Тут баба есть, страшная. Смотреть будешь?

– Нет, – коротко ответил Такаси и затянулся в очередной раз.

Никита вытащил из-под куртки охотничий нож и с силой вогнал его под лопатку женщины. Державший ее ящер покачнулся.

– Давай грузи, – бросил Никита ящеру. – Пока в кузов не влезешь, нож не вытаскивай.

– Не учи ученого, – огрызнулся ящер и потопал к грузовику выполнять задуманное.

– Сеха, Евело, Вохво! – крикнул Никита. – Вы где там застряли? Еще бабы есть?

– Есть, – донеслось изнутри. – Одна очень старая и две очень маленькие. Даже у Такаси шхал не влезет. Всех в расход?

– Сейчас посмотрю, – сказал Никита и полез в окно, тщательно следя за тем, чтобы не порезаться об острые стекла.

Такаси тем временем докурил сигарету, залез в кабину грузовика и аккуратно затушил бычок в пепельнице. Далее он подошел к воротам, немного повозился с засовом, широко распахнул створки и вернулся к машине. К этому времени ящер уже погрузил в кузов мертвое тело и бодро потрусил обратно к дому.

Такаси закрыл двери, завел двигатель, поднял машину в воздух, загнал ее во двор, развернулся на пяточке, подогнал грузовик задом к ступеням крыльца и заглушил мотор. Грузовик мягко приземлился на мокрую траву. Такаси вышел, не спеша открыл задние дверцы кузова и тоже скрылся в доме.

Следующий час прошел спокойно и даже буднично. Ящеры погрузили в машину оставшиеся трупы, а затем настал черед имущества. Люди и ящеры выносили из дома разнообразные тюки и коробки и аккуратно загружали их в кузов. Анатолий смотрел на это все и с нетерпением ждал, когда они закончат, у него так и чесались руки устроить на этой ферме маленький Освенцим. Интересно, что означает это слово? Что-то греческое или латинское?..

Роботы-пауки постепенно подтягивались к воротам фермы. Судя по их наблюдениям, бандиты не имели никакой специальной амуниции, только легкое ручное оружие.

Анатолий никак не мог поверить, что за всем этим безобразием стоит Ибрагим Бахтияр. Да, Ибрагим ненавидел братство, братство уничтожило организацию, в которой он

служил, люди братства истребили всех его друзей, но Ибрагим никогда и ни за что не стал бы вымещать свою ненависть на невинных людях. Анатолий прикидывал так и этак, но никак не мог представить себе, что Ибрагим отдает приказ провести зачистку неохраняемых поселений и вывезти оттуда все, что можно использовать, чтобы вооружить армию ящеров. Нет, не мог Ибрагим выстроить такой план. Либо наркоторговцы по инерции продолжают политику прежнего руководства, либо Ибрагим является их предводителем чисто номинально, а все решения принимают другие люди. Пожалуй, второй вариант больше похож на правду, а тогда получается, что Анатолий вовремя сделал ноги из Исламвилля.

Есть еще и третий вариант. Все, что здесь происходит, – частная инициатива швув Ойлсова или даже дувчав Осув. Но откуда тогда взялись люди? Ренегаты, с которыми не хотят иметь дело даже наркобароны? Или обычные бандиты, использующие любой удобный случай, чтобы поживиться чужим добром? Но почему тогда отрядом командует человек, а не ящер? А отрядом явно командует Такаси, ему все подчиняются, он хоть и трудится вместе со всеми, но сразу видно, что командир здесь именно он. Непонятно...

Помнится, Якадзуно что-то говорил насчет того, что у кого-то из ящеров есть идея организовать человеческое государство на восточных окраинах Усуфлай... Нет, за такое короткое время этот план не мог претвориться в жизнь. Тогда откуда здесь взялись эти люди?

Тем временем погрузка вещей подошла к концу. Никита выволок из недр грузовика два оконных стекла, ящеры начал устанавливать их вместо выбитых. Такаси уселся на подножку выкурить очередную сигарету, Никита ходил по двору туда-сюда, время от времени подбирая с земли какой-нибудь предмет, который мог бы вызвать подозрения у тех, кто потом будет осматривать внезапно опустевшую ферму. Анатолий решил, что настало время действовать.

Он осторожно спустился с лея и неспешным шагом двинулся к воротам. Анатолий пожалел, что не курит – если бы он вышел из леса с сигаретой в зубах, это было бы не в пример эффектнее.

Как ни пытался Анатолий подкрасться незаметно, его выдала кочка, громко хлопнувшая под ногой. Такаси повернул голову, вздрогнул и выронил сигарету. Их глаза встретились.

Анатолий приветливо помахал рукой и продолжил движение. Такаси ответил аналогичным жестом и как бы невзначай полез в кабину, где, как знал Анатолий, лежит длинноствольная духовушка, заряженная отравленными иглами. Ну-ну...

– Привет, Такаси! – сказал Анатолий. – Как дела? Где Никита?

На лице Такаси отразилась напряженная работа мысли.

– И тебе привет, коли не шутишь, – наконец отозвался он. – Ты кто такой?

– Анатолий Ратников, бывший майор десанта.

В глазах Такаси промелькнуло уважение и одновременно

некоторая расслабленность. Кажется, он сделал определенные выводы, причем неправильные.

– Я вас знаю?

– Нет.

– Вы из этих?

Анатолий глубокомысленно кивнул. Если вдуматься, Такаси прав, Анатолий действительно из этих, вот только под словом «этих» они понимают совершенно разные вещи.

– Как прошла операция? – добродушно спросил Анатолий.

– Нормально. Уже заканчиваем, осталось только прибраться.

– Много взяли?

– Так себе, – Такаси пренебрежительно махнул рукой. – Аккумулятор разряжен, запасного вообще нет, из оружия только ручной огнемёт да пара пистолетов, патронов мало, ну, еще мелочь всякая... не стоило оно того.

– Людей внутри много было?

– Семеро. Из них четверо детей, – Такаси зло крикнул. – Ненавижу эти дела. Детишки-то в чем виноваты?

– Ты меня спрашиваешь?

– А кого мне спрашивать? Вахида?

– Какого Вахида?

В глазах Такаси моментально проснулось подозрение.

– Вы не знаете Вахида? А вы, извините, откуда?

– От Рашида. Рашид Аламейн, слышал про такого?

– Что-то слышал... Но как вы сюда попали? Анатолий небрежительно махнул рукой.

– Не суть важно. Проезжал мимо, думаю, дай загляну, посмотрю, чем коллеги занимаются. Вам как, не противно? Та-каси смачно сплюнул.

– Сами-то как думаете? – мрачно спросил он. – Я же не такой выродок, как Никитка, у меня у самого дети есть. Я так думаю, не стоило нам в это дело влезать, оружия много не соберем, а неприятностей огрести можем. Вот покажут по ящику, чем мы тут занимаемся, леннонцы все наши джунгли сожгут к бесам и будут правы.

Анатолий значительно покивал. Внезапно ему в голову пришла оригинальная идея, он быстро прокачал ее через эвристический блок и решил, что можно рискнуть. Отдать роботам соответствующие команды было делом считанных секунд.

– Довезешь до базы? – спросил Анатолий.

– А ваша машина?..

– Технические проблемы.

– Техпомощь вызвать?

– Разве радиомолчание не действует?

– Ради такого случая...

– Даже ради такого случая нельзя. Ты пойми, стоит только леннонцам заподозрить, что мы здесь вытворяем, и все, нашему делу крышка. Приедем на базу, там разберемся. Твоим бойцам долго еще возиться?

– Должны уже закончить. Никита! Давай заканчивай быстрее, да поедem!

Анатолий забрался в кабину на пассажирское сиденье, Такаси сел за руль, ящеры погрузились в кузов, Никита залез в кабину «Муфлона», ранее принадлежавшего несчастному фермеру, и они отправились в путь.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Несмотря на то, что Такаси гнал грузовик с максимальной возможной скоростью, дорога до базы заняла почти три часа. Никто им не встретился, никто не вызвал их по радио, только перед самой базой Такаси обменялся парой слов с постом охраны. Встроенные сканеры Анатолия сообщили, что база охраняется по схеме, стандартной для опорного пункта роты пехотного ополчения в условиях густого леса. Для бойца его класса такая оборона не представляла серьезной угрозы. Когда придется драться, самое опасное будет слишком увлечься ролью супермена, потерять бдительность и нарваться на случайную пулю.

Грузовик зарулил на стоянку и мягко приземлился на посадочную площадку, устланную гравием. Такаси вылез из машины, распахнул двери кузова и оттуда на свет божий появились четверо ящеров. Рядом Никита припарковал захваченный «Муфлон».

Анатолий сразу отметил, что ящеров на базе значительно больше, чем людей. Согласно первому впечатлению, соотношение составляло примерно три к одному. При этом среди

всех ящеров, попавших в поле зрения, не было ни одного, в ком можно было бы заподозрить офицера. Только рядовые солдаты, сержанты, да еще всякие нестроевые бездельники вроде кухонных рабочих да грузчиков. Непохоже это на то, о чем, по словам Якадзуно, мечтал Говелойс.

Обитатели базы странно косились на Анатолия, часовой с электрическим ружьем, охраняющий стоянку, даже спросил у Такаси, кого это он привез. Но, услышав ключевые слова «майор из отряда Аламейна», часовой успокоился, и, увидев это, перестали нервничать остальные.

К машине сбежались ящеры, они начали деловито разгружать награбленное добро. Никита куда-то ушел. Такаси раздал ценные указания грузчикам, после чего обратился к Анатолию:

– Пойдемте к командиру. Доложить надо, заодно и вас ему представлю.

Анатолий не возражал, и они пошли. По дороге Анатолий узнал, что база называется Карасу, обитает на ней около тысячи людей и трех тысяч ящеров, а если считать женщин и детей, то будет три тысячи людей и три тысячи ящеров, потому что молодых ящеров на базе нет.

Анатолий выразил удивление, почему такая большая база так плохо защищена. Такаси вначале заинтересовался, как это Анатолий так быстро все понял, а потом, когда Анатолий объяснил, посетовал на то, что оружия мало, потому что никто не думал, что будет большая война, и вообще, если бы

оружия было столько, сколько надо, незачем было бы потрошить фермеров. Анатолий выразил сомнение в том, что ситуацию поможет исправить даже все оружие, имеющееся на окрестных фермах. Такаси согласился и добавил, что, будь его воля, он перерезал бы горло тому мерзавцу, который придумал творить такие безобразия над беззащитными людьми, но приказы начальства не обсуждаются, потому что, если обсуждать приказы начальства, армия превратится в стадо. Анатолий выразил надежду, что Вахид и Рашид знают что-то такое, чего не знают они, и поэтому насилие, которое кажется излишним, на самом деле оправданно. Такаси с готовностью согласился. Он добавил, что, если бы он сам так не думал, его бы здесь уже давно не было, потому что он сделал бы сеппуку вначале Вахиду, а потом себе. Анатолий хотел было сказать, что, по его мнению, сеппуку можно сделать только самому себе, потому что иначе это будет не сеппуку, а обычное перерезание горла, но потом решил не говорить этого. Он подумал, что Такаси будет неприятно слышать, как европеец упрекает его в незнании национальных обычаев. Потом Анатолий подумал, что очень странно, что он заботится о том, как бы не обидеть человека, только что участвовавшего в чудовищном злодеянии, но оставил эту мысль, потому что они пришли.

Как и в Исламвилле, в Карасу почти все помещения находились под землей. Такаси перекинулся парой слов с часовым у входа в подземелье, после чего они с Анатолием

начали спускаться по узкой и плохо освещенной бетонной лестнице. Они немного поплутали по узким темным коридорам и наконец оказались в кабинете командира базы – ничем не примечательного сорокалетнего араба, заросшего бородой до самых глаз. Анатолий проверил его сканером и обнаружил, что Вахид имеет обычный для гражданских лиц Деметры класс С.

– Господин подполковник, – вытянулся по струнке Такаси, – лейтенант Накамура ваше задание выполнил. На базу доставлен один ручной огнемет, к нему сорок два выстрела, два армейских пистолета, к ним девяносто шесть патронов, автомобиль типа «Муфлон» на воздушной подушке, аккумулятор заряжен на тридцать шесть процентов, большой стационарный аккумулятор заряжен на девять процентов. Еще по мелочи...

– Достаточно, – перебил его Вахид. – Кого это ты привел?

– Майор Ратников, – представился Анатолий. – Я от Рашида.

– От какого Рашида?

– Рашида Аламейна, командира базы Исламвилль.

– Как его полное имя?

– Рашид Аламейн ад-Дин, только, по-моему, он гонит.

Вряд ли он из рода ад-Динов.

Вахид рассмеялся и протянул Анатолию руку для рукопожатия.

– Документы предъявишь потом, – сказал он. – Какими

судьбами к нам?

– Поломался.

– В смысле?

– Машина сломалась.

– Что за машина?

– «Капибара» убитая. Техпомощь вызывать без толку, только энергию зря потратим.

– Что же ты на такой машине на дело выехал?

– А у вас что, исправной техники на всех хватает? Может, поделитесь?

Вахид снова рассмеялся и хлопнул Анатолия по плечу.

– Не обижайся, – сказал он. – У нас с техникой такой же беспредел. Даже не знаю, как тебя обратно к Рашиду доставить, почти триста километров все-таки.

– А стоит ли? – небрежно спросил Анатолий. – Какая разница, где воевать? Свое задание я выполнил, так что готов поступить в ваше распоряжение.

– Что за задание было?

Лицо Анатолия выразило обиду.

– Издеваетесь? – спросил он. – Или у вас свободных охотников нет?

– Нет, – насторожился Вахид, – никаких свободных охотников у нас нет. А что это такое – свободный охотник?

Анатолий состроил гримасу, показывающую, что он удивлен и даже чуть-чуть обижен тем, что собеседник ничего не знает о свободных охотниках.

– У меня трансформация класса E, – сказал он, – плюс полный набор имплантатов. Вы сможете предложить мне достойное задание?

Вахид разинул рот, но быстро справился с потрясением.

– В каком звании служили? – спросил он.

– Майор, командир взвода десанта.

– Почему перешли на нашу сторону?

– Меня выперли из армии.

– За что?

– Комиссовали по психике. Вы не бойтесь, я на людей не бросаюсь, – Анатолий добродушно улыбнулся, – но на медкомиссии очень жесткие требования. Я могу нормально воевать, но под стандарты не подхожу. Если бы я был опасен, мне бы процессор заблокировали сразу при увольнении.

– Сейчас он работает?

Вместо ответа Анатолий вытащил из-под куртки мобилу, протянул ее Вахиду, а затем проделал с ней несколько нехитрых манипуляций через нейрошунт. Вахид озадаченно присвистнул.

– М-да... – только и смог сказать он. – Ничего, что я к вам по-простому?

– Ничего, – махнул рукой Анатолий, – я снобизмом не страдаю. У вас найдется что-нибудь поесть? А то у меня внутренние батареи совсем разряжены. Это не срочно, если у вас проблемы с продовольствием, я могу обойтись...

– Ничего-ничего, – остановил его Вахид. – Такаси, отве-

дешь его на кухню, скажешь раздатчикам, чтобы майора Ратникова кормили без ограничений. Как вас зовут, кстати?

– Анатолий.

– Вахид.

Они пожали друг другу руки.

– Я бы хотел отдохнуть пару дней, – сказал Анатолий, – а потом поподробнее ознакомиться с обстановкой. Но если у вас найдется для меня какое-нибудь конкретное задание...

– Я подумаю, – сказал Вахид. – А если ничего не придумаю, мы подумаем вместе.

– Мне потребуется доступ к штабным документам.

– Получите.

– Спасибо.

– Пока не за что.

– Заранее спасибо, – улыбнулся Анатолий. – Если ко мне больше нет вопросов, не смею задерживать.

– Документы у вас есть? – внезапно спросил Вахид.

– Да, конечно, – ответил Анатолий, – документы прикрытия есть, вот, пожалуйста, – он протянул Вахиду свою идентификационную карту. – Имя и биография настоящие, только должность другая. Ну, вы поймете.

Анатолий улыбнулся, потому что представил себе, как Вахид изучает документы вновь прибывшего офицера и обнаруживает, что тот служит в особом отделе братства офицеров для особых поручений. А что, очень хорошее прикрытие, можно даже сказать, идеальное.

Рамирес вошел в студию и обнаружил, что она не пуста, как это обычно бывает за час до начала съемок. За монтажным пультом сидел Миштич Вананд, он был изрядно навеселе, если судить по стоявшему перед ним полупустому бокалу с амброзией. Глаза Миштича были тревожно расширены, в них застыло какое-то непонятное выражение. Наверное, с таким выражением кролик смотрит на удава или на лесной пожар, окруживший его со всех сторон.

– Привет! – проговорил Миштич заплетающимся языком. – Новости видел?

– Какие новости?

– На, смотри, – Миштич ткнул пальцем в пульт и указал на кнопку перемотки назад.

Очевидно, он хотел указать на кнопку воспроизведения, но промахнулся.

– Извини, я пойду, – сказал Миштич и попытался встать. – Второй раз смотреть не буду, а то стошнит. Мне и одного раза хватило.

С этими словами он все-таки встал на ноги и нетвердым шагом удалился из комнаты. Рамирес подошел к пульту, отодвинул в сторону недопитую амброзию и включил воспроизведение записи.

Запись была длинная, почти час, но все самое важное

произошло в первые минуты. Первые десять минут Рамирес смотрел на экран не отрываясь, как бы зачарованно, потом он стал ускоренно проматывать запись, и когда она закончилась, то обнаружил, что стакан амброзии пуст. Рамирес не помнил, когда он его допил.

Зрелище было ужасное. И самое страшное было то, насколько буднично оно было снято. Вначале панорама фермы, самой обычной маленькой фермы, каких вокруг Олимпа сотни, если не тысячи. Вид снаружи, вид сбоку и сверху, не иначе из ветвей высокого дерева, хозяин, жены, дети, собаки, все красиво, все здорово, замечательный идиллический пейзаж.

Потом из леса появился большой грузовик, из него вылез белобрысый мальчишка, поговорил с хозяином, хозяин открыл ему дверь, и дальше – молниеносно – снайперский выстрел, ящеры выскакивают из кузова, перелетают через забор, выбивают окна, врываются в дом, раздается одинокий женский крик. А потом ящер выносит из дома оглушенную женщину, мерзкий мальчишка осматривает ее и ощупывает, как в борделе, и разочарованный, убивает ножом, как скотину. Потом ящеры деловито выносят из дома детские трупы, грузят их в машину, а командир отряда сидит на подножке машины и деловито беседует с кем-то, не попавшим в кадр, и время от времени раздает указания людям и ящерам. Почему-то эта спокойная деловитость показалась Рамиресу самой ужасной.

– Ну что? – спросил Миштич, неслышно появившись сзади. – Что скажешь?

– Еще амброзия есть? – спросил Рамирес и сразу же почувствовал, как пересохло у него в горле.

– Перед эфиром не набирайся.

– Сам знаю. Так амброзия есть?

– Есть.

– Так тащи!

После второго стакана Рамирес снова начал немного соображать.

– Кто это снял? – спросил он.

– Не знаю, – ответил Миштич. – Я получил эту запись из особого отдела, полагаю, они снимали скрытой камерой. Ты заметил, что один из бандитов никогда не появляется в кадре?

– Тот, с которым японец разговаривал?

– Да, тот самый. Двойной агент, наверное.

– Да хоть тройной! Он все видел и ничего не сделал, да я его за это своими руками удавил бы!

– Не горячись, до эфира еще пятнадцать минут. О, Шива милостивый! До эфира пятнадцать минут, а текст еще не готов!

Рамирес посмотрел на часы и увидел, что действительно до эфира осталось пятнадцать минут, а текст, мягко говоря, не готов. Внезапно Рамирес понял, что и как он будет говорить.

– Не волнуйся, – сказал он. – Давай-ка лучше пока смонтируем эти кадры как следует. Сегодня я буду говорить со всем немного.

3

Такаси проводил Анатолия на кухню, где слово в слово передал дородному ящеру в белом поварском колпаке распоряжение командира. Ящер ничуть не удивился, он удивился потом, когда Анатолий озвучил свои гастрономические предпочтения. А когда закончил справляться со вторым килограммом сахара, вокруг него собралось около пятидесяти зрителей – человек пятнадцать людей, остальные-ящеры.

Анатолий обвел присутствующих мрачным взглядом и спросил, обращаясь ко всем вместе и ни к кому в отдельности:

– Что уставились? Никогда не видели, как офицер кушает?

Зрители дружно посмотрели на Анатолия невинными глазами. Он мысленно махнул рукой и вгрызся зубами в только что освежеванную тушку деметрианской лягушки лхулшэ. Сырое мясо не так вкусно, как жареное, но для восстановления сил подходит гораздо лучше.

Через некоторое время желудок Анатолия сообщил, что прекрасно понимает, как важно для организма быстро восстановить силы, но больше пищи он сейчас физически

неспособен принять. Анатолий согласился с этим доводом и покинул столовую, лишив бесплатного удовольствия все прибывающих зрителей.

Насытившись, Анатолий отправился в жилой корпус, где его ждало разочарование – Вахид настолько проникся крутизной нового бойца, что выделил ему отдельную комнату. Анатолий рассчитывал поговорить с соседями, послушать байки, разузнать побольше о том, как живут рядовые бойцы наркомафии, ведь из обычного бытового разговора можно почерпнуть не меньше информации, чем из штабной базы данных. Теперь этот план пришлось отложить – ходить по коридору, стучаться в двери и набиваться в гости недостойно элитного бойца.

Можно заказать девочку, а потом с ней поговорить по душам, но для этого нужно сначала переварить пищу. Даже трансформация класса Е не позволяет получать удовольствие от секса, когда живот раздут настолько, что наводит на мысли о беременности. Анатолий перебрал все возможные варианты и остановился на самом подходящем – лег спать.

4

Прибыв в Исламвилль, Якадзуно полагал, что ему придется некоторое время пожить в казарме. Но его опасениям не суждено было сбыться – ему досталось место в четырехместном номере с туалетом, душем, холодильником и стаци-

онарным компьютером, как в дешевой гостинице. Соседями Якадзуно стали его знакомые по вертолету – Дхану Джаммури, Мин Го Хо и Ахмед Алараф. В личном общении бойцы наркомафии оказались абсолютно нормальными людьми. Как Якадзуно ни старался, он не смог отыскать в них ничего особенно зверского или циничного, люди как люди.

Дхану сходил к Козе и вернулся с литром отличного коньяка. Сразу же завязалась дружеская беседа. Вначале разговор пошел о погоде, потом как-то незаметно переключился на особенности климата Исламвилля по сравнению с климатом Олимпа. Якадзуно спросил, правда ли, что в районе Исламвилля водятся лягушкоеды, и ему ответили, что это правда. Тогда Якадзуно спросил, правда ли, что они очень умные и добрые и часто помогают людям, которые тонут в болоте.

– Ерунда все это! – заявил Мин Го. – Лягушкоед – он умный, но на человека ему положить. Они просто играть любят, им прикольно, когда человек в луже барахтается. Если человеку повезет, лягушкоед его на берег вытолкает, а если не повезет – в самую пучину затолкает. Только те, кому не повезло, потом ничего не рассказывают.

– А ты откуда знаешь? – удивился Якадзуно.

– Так, говорят, – пожал плечами Мин Го. – Может, врут...

Дхану начал рассказывать, что у одного его друга есть говорящий срасхевл, которого тот научил при булькающих звуках кричать дурным голосом: «Что, козел, амброзию хле-

щешь?» Особенно смешно, что он это говорит, когда кто-нибудь спускает воду в сортире.

Ахмед рассказал, как один его знакомый поскользнулся, садясь в машину, ударился о дверь, на которой не было резинового уплотнителя, и отрезал себе ухо острой кромкой.

– И как ухо? – поинтересовался Якадзуно.

– Пришили. Оказывается, ухо может пришить обычный медицинский робот. Вот если палец или еще что – тогда сложнее, а уши и носы легко пришиваются, для них даже стандартная программа есть.

Дхану и Ахмед немного подискутировали по поводу того, как можно случайно отрезать себе нос, а Якадзуно припомнил историю про то, как один мужик подрался с другим мужиком и начисто откусил у него кончик носа.

Дхану попросил Якадзуно рассказать что-нибудь про Гефест, и Якадзуно рассказал, как однажды по доброте душевной подобрал на перроне мужика, обширявшегося до полной отключки, и решил доставить его домой. А потом оказалось, что, пока мужик был в отключке, его ограбили, и Якадзуно пришлось долго объясняться с полицией. Хорошо, что они ему поверили, даже взятку давать не пришлось.

– А правда, что у вас на Гефесте все полицейские взятки берут? – поинтересовался Ахмед.

– Правда, – ответил Якадзуно. – А у вас что, не так?

– А у нас вообще полицейских нет! – расхохотался Ахмед.

Якадзуно почему-то тоже стало очень смешно.

– Я не про ваш город говорю, – пояснил Якадзуно, отсмеявшись, – я про Деметру вообще.

– Про Деметру вообще ничего сказать не могу, – заявил Ахмед. – Я, кроме Исламвилля, больше нигде не был, все остальное только по телевизору видел.

– Как же ты сюда попал? Разве у вас в Исламвилле свой вокзал есть?

– Нет, вокзала тут нет, откуда ему взяться? Вокзал в Олимпе. Я на Земле в Афганистане жил, на американцев работал. А потом приехал один мужик, стал предлагать на Деметру завербоваться, я и согласился. Выдали мне левые документы, привезли на вокзал, оттуда в Олимп третьим классом, с вокзала – в грузовик без окон и сразу сюда. У нас тут свое государство, как сюда приехал, больше никуда не выберешься, охрана не выпустит. И правильно, потому что стоит одному человеку убежать – СПБ сразу весь город разбомбит. Мы у правительства были как кость в горле, а теперь, стало быть, у братства как кость в горле. Вот война начнется, тогда, может, и доведется Олимп посмотреть. Только видел я его по ящику, не на что там смотреть.

Завязалась оживленная дискуссия насчет того, есть ли на что смотреть в Олимпе и если есть, то на что. Якадзуно поначалу пытался возражать, дескать, Олимп – большой город, а не захолустная деревня в джунглях, как Ислам-вилль, но потом был вынужден сдаться. Действительно, если вдуматься, Олимп – такая же деревня, как Ислам-вилль, только на-

много больше и не в джунглях, а в болоте.

Почему-то всем стало грустно. Выпили еще по сто грамм. Дхану рассказал, как одной местной бабе удаляли аппендицит, она спросила доктора: «Я не умру?», а доктор ей ответил так: «Ни в коем случае, а то меня Вахид ругать будет». Почему-то стало смешно. Выпили еще.

Мин Го спросил, чем занимался Якадзуно на Гефесте и не поделится ли он байками про трудовые будни службы безопасности большой корпорации. Якадзуно рассказал, как в прошлом году люди Рамиреса обнаружили богатое месторождение на территории, принадлежащей одному старательскому кооперативу, и как потом Якадзуно с ребятами занимался рэкетом, чтобы согнать голимых кооператоров с ценной земли. Ахмед сказал, что все говорят, что пионеры – преступники и творят беспредел, но на самом деле настоящий беспредел творят корпорации, а пионеры хоть и делают наркотики, но насилием не занимаются и простым людям жить не мешают. А наркотики – дело такое, хочешь – покупай, не хочешь – не покупай, никто тебя не неволит, а если подсел – сам дурак. Якадзуно заметил, что первая доза всегда бесплатная, но Ахмед заявил, что пионеры тут ни при чем, и вообще, ни один уважающий себя наркодилер демпингом не занимается, а то, что наркоманы друг друга на иглу сажают, – это их личное дело. Мин Го сказал, что Ахмед зря ругает корпорации, нынче это немодно, потому что братство тоже ругает корпорации и их главный идеолог Джон Ра-

мирес тоже их ругает, а потому пионерам их ругать больше не надо, потому что их ругает братство, а если кого-то ругает братство... Как ни странно, все поняли, что хотел сказать Мин Го. Выпили за понимание.

Якадзуно сказал, что знал на Гефесте одного Джона Рамиреса. Через пару минут оживленного обсуждения выяснилось, что главный идеолог братства и есть тот самый Джон Рамирес, которого Якадзуно знал на Гефесте. За это тоже выпили.

Что было потом, Якадзуно не помнил.

5

От амброзии похмелья не бывает. Когда переберешь, начинаются галлюцинации, но если не продолжать злоупотребление, а сразу лечь спать, то они превращаются в яркие красочные сны, чаще приятные, чем кошмарные. На этот раз Рамиресу приснилось нечто среднее.

Ему приснилось, что сегодня среда и он сидит в своем кабинете в университете, где по средам принимает посетителей. Все идет как обычно, а потом в кабинете появляется Полина и говорит, что в приемную пришли ящеры и перерезали всех посетителей и теперь не знают, куда девать трупы. Рамирес распорядился отнести трупы в университетскую столовую, там наверняка должны быть холодильники, куда их можно складировать. Потом он вернулся к разговору с по-

сетителем, которым оказался Дзимбээ Дуо. Дзимбээ сказал, что теперь работает на ящеров и пришел сюда всех зарезать, но если Джон и Полина пригласят его на групповуху, то он никого резать не будет.

Рамирес возмутился и заявил, что приказ есть приказ и его надо выполнять – раз велели зарезать, значит, надо резать. Дзимбээ согласился с этим доводом и сделал себе сеп-пуку. Полина откуда-то притащила большой разделочный нож и начала умело расчленять Дзимбээ и упаковывать части тела в целлофановые пакеты с эмблемой гипермаркета Ашан-Олимп.

– Скоро начнется голод, – сказал а Полина, – и тогда человечина хорошо пойдет, по десять евро за килограмм.

Рамирес возразил, что голода не будет, а тех, кто так говорит, надо беспощадно истреблять без суда и следствия. Полина предложила ее не истреблять, а примерно наказать, и вручила Рамиресу плетку и наручники. Рамирес сказал, что наказывать ее не будет, потому что очень любит, и они стали целоваться, но целоваться было неприятно, потому что Полина была вся в крови, а кровь была соленая, ржавая и сильно пачкалась. Интересно, что нижняя часть лица Полины была испачкана даже сильнее, чем руки, а когда Рамирес поинтересовался, в чем тут дело, Полина призналась ему, что она вампир. Рамирес возразил, что вампиров не бывает, но неожиданно вспомнил, что вчера перебрал амброзии, и проснулся.

Он лежал в собственной постели, Полины рядом не было, но ее голос доносился из соседней комнаты, она с кем-то говорила по телефону. Рамирес свесил ноги с кровати и с трудом поднялся. Как всегда бывает после передоза амброзии, тело было расслаблено настолько, что казалось ватным. Рамирес знал, что это скоро пройдет, но пока он был не в своей тарелке.

Рамирес попытался найти тапочки, не смог и вышел из спальни босиком. Полина повернула голову, послала воздушный поцелуй, но разговор не прервала. Рамирес попытался прислушаться к разговору, но и тут ничего не получилось. Кто-то древний и мудрый сказал, что если с утра выпил, то весь день свободен. Это утверждение можно подкорректировать – если хорошо выпил с вечера, то завтрашний день тоже свободен.

С этой мыслью Рамирес поковылял на кухню восстанавливать силы.

6

Проснувшись, Анатолий понял несколько важных вещей. Во-первых, его интуиция заметно притупилась за те годы, что он провел вне армии. Во-вторых, выполняя разведывательную миссию в глубоком тылу противника, одной интуицией не обойдешься, нужно еще иметь квалификацию, опыт или, на худой конец, соответствующее программное обеспе-

чение. Анатолий попытался пересчитать все ошибки, которые он сделал вчера, сбился со счета и совсем опечалился.

Нельзя сказать, что идея прикинуться заблудившимся бойцом наркомафии была так уж плоха. Но лезть в осиное гнездо с такой легендой... Нет, это не самоубийство, но уж точно большое приключение на собственную задницу.

Откуда Анатолий знает Такаси и Никиту, если он не знает Вахида? Стоит Такаси задуматься над этим вопросом и все, легенда накрылась. А если Вахид решит нарушить радиомолчание и сообщит Рашиду, что в Карасу прибыл Анатолий Ратников? А если бы он сделал это еще вчера? Как бы Анатолий воевал с раздувшимся животом?

Кстати, о животе. Стоило только вспомнить о его существовании, как живот сразу потребовал совершить утренний туалет. Эта процедура оказалась длительной – полтора килограмма сырого мяса оставляют довольно много отходов, да и пищеварительная система человека не предназначена для такой пищи.

Тем не менее вчерашнее обжорство дало определенный результат. Внутренней энергии заметно прибавилось, еще одна такая трапеза – и аккумуляторы будут забиты под завязку. Только нажираться второй раз времени нет, надо быстро завершать миссию и убираться отсюда.

Анатолий вышел в коридор, прошелся туда-сюда, нашел дежурного по этажу, выяснил, где находится штаб, и направился прямо туда. Придя в штаб, Анатолий вежливо отклю-

нил два последовательных предложения вместе позавтракать (девушки более чем неплохи, но времени нет) и минут через пять, после выполнения всех формальностей, уселся за терминал локальной информационной сети.

Координаты города Карасу почти совпали с теми, что Анатолий вычислил, отслеживая маршрут грузовика, на котором приехал. Город Исламвилль не был отображен на карте и его координаты в документах не упоминались, но имеющейся информации было достаточно, чтобы сократить область поиска до двух районов, каждый километров по тридцать-сорок в диаметре. Очень хороший результат, одного его достаточно, чтобы оправдать всю импровизированную операцию.

Списки личного состава большого интереса не представляли, опись имущества тоже. На базе имелось около ста бойцов класса D (все люди, ни одного ящера), а бойцов класса E не было совсем. Соответственно в местном арсенале не было ни автономных гранат, ни продвинутых средств радиоэлектронной борьбы. Даже неинтересно убежать отсюда.

В архиве приказов и донесений достойной внимания информации не обнаружилось. Да, наркоторговцы или пионеры, как они себя называют, действительно занимаются зачисткой близлежащих ферм и плантаций. Все оружие и другие ценные вещи изымаются и складываются на базе. Что с ними будут делать дальше – непонятно. А в остальном – обычные будни небольшой военной базы. Не более.

Разведанные... Похоже, Олимпом они совсем не интере-

суются – ни одна разведгруппа не приближалась к городу ближе чем на пятьдесят километров. Значит, штурм Олимпа пионеры в ближайшем будущем не планируют, это очень хорошая новость. И еще заслуживает внимания тот факт, что пионеры отслеживают размещение боевых отрядов местных вавусосе. К сожалению, из документов непонятно, с какой целью – то ли опасаются нападения, то ли, наоборот, чтобы в случае чего действовать совместно.

Карты наркотических плантаций... М-да, мафия пустила на Деметре глубокие корни. Если подсчитать, сколько человек можно отравить продукцией этого города... Анатолий подсчитал, не поверил тому, что получилось, и подсчитал еще. М-да...

Приказ про радиомолчание. А это еще что за ссылка... все донесения, передаваемые по спутниковой связи... Какая еще спутниковая связь? Ох, полетят чьи-то головы! Что там дальше... заносить в специальный журнал... какой еще журнал?.. Ага... Плохо! Ближайший сеанс будет сегодня вечером. Значит, сегодня вечером надо быть уже на пути домой. Получается, что дружеское общение с местным населением отменяется. Жалко, но ничего не поделаешь.

Интересно, что имел в виду Вахид, когда обещал придумать для Анатолия задание. Ежу ясно, что в таких условиях любой высокоуровневый боец имеет стратегическое значение, а значит, его надо срочно переправлять в генеральный штаб. Получается, что Вахид в военном деле вообще ниче-

го не понимает и здравого смысла у него тоже нет. Непохоже. Наверное, он просто хотел использовать Анатолия для каких-нибудь частных задач, а потом уже вернуть в Исламвилль.

Может, сказать ему, что готов отправиться на задание прямо сейчас? Нет, нельзя, получится подозрительно. Пусть Вахид и выделил Анатолию отдельную комнату и не проявляет в его отношении особой подозрительности, окончательно он успокоится только тогда, когда получит подтверждение из центра, что майор Ратников действительно раньше жил в Исламвилле и являлся свободным охотником. А до тех пор ни один дурак не отпустит Анатолия с базы. Значит, придется прорываться.

Все прочитанные данные Анатолий сразу скопировал в эйдетическую память, он решил, что подключать мобилу к компьютеру будет слишком нагло. Осталось только поговорить с Вахидом и можно уходить отсюда. Хорошо, что в памяти компьютера обнаружился подробный план всей базы.

7

– Как думаешь, Ратников ушел насовсем? – спросил Сингх.

– Вряд ли, – ответил Дзимбээ. – Похоже, что это зрелище произвело на него сильное впечатление. Я не верю, что, увидев эту резню, он вдруг решил, что отныне будет воевать на

их стороне. По-моему, он действительно решил проникнуть на их базу.

– Думаешь, у него получится?

– Кто знает? – Дзимбээ пожал плечами. – С одной стороны, он элитный боец, он гораздо сильнее тех двоих. Если бы он захотел, он расправился бы с ними без проблем. Но на базе может быть несколько сотен людей... шальная пуля...

– Ладно. Сколько он просил? Трое суток?

– Да. Если через трое суток он не вернется, мы можем считать, что он погиб.

– Тогда подождем трое суток, а если окажется, что он нас обманул, он еще пожалеет. Будем считать, что с этим делом пока все.

– Какие будут последствия от этой передачи?

– Какие-какие... Багров приказал Танаке создать вокруг Олимпа стокилометровую демилитаризованную зону.

– Это как?

– На вероятных путях следования противника разместить блокпосты плюс следящее оборудование. Ящерские поселения уничтожать.

– Все?

– Все.

– А у нас хватит энергии?

– Должно хватить.

– Но там же тысячи ящеров!

– Сотни тысяч.

– И что?

– А ничего. Официальная позиция братства гласит, что ящеры не люди. Деметра предназначена для людей, а остальные формы жизни могут либо приспособиться, либо исчезнуть с лица планеты. Ящеры напали на людей, значит, они сами виноваты.

– Начнется затяжная война.

– Если энергии хватит, война не станет затяжной.

– Но это же геноцид!

– Любой терраформинг – геноцид. Разница только в том, что в случае терраформинга ящеры вымрут не сразу, а постепенно. По-моему, лучше уж сразу.

– Наш отдел в этой операции как-то участвует?

– Никак. Теперь наша главная задача – защитить Олимп от террористов.

– Только Олимп?

– Нет, не только Олимп, еще все крупные города. Есть мнение, что наркомафия перейдет к террористическим методам.

– Им больше ничего не остается.

– Они могут сложить оружие, Багров уже объявил амнистию.

– Они об этом знают?

– Откуда? По телевизору это передают, но какой нормальный командир наркомафии позволит своим бойцам смотреть телевизор? Они сдадутся только тогда, когда их верхуш-

ка поймет, что сопротивление бесполезно, а к этому времени прольется столько крови, что амнистию придется отменить. Жаль.

– Но чего они добиваются? Вернуть все обратно? Сделать так, чтобы все вокзалы снова заработали? Так это невозможно!

– Они хотят занять наше место, чтобы вместо Багрова всем рулил Бахтияр, а вместо нас с тобой чтобы работали Аламейн и Мусусимару. И еще они хотят прекратить терраформинг и жить с ящерами в мире и дружбе.

– Зачем?

– Идеология у них такая. Что-то вроде того, что ящеры тоже почти как люди и надо их беречь... Интересно, что они стали бы говорить, если бы захватили власть. Боюсь, в таком случае у них ящеры быстро перестали бы быть друзьями человека. Ладно, что-то мы с тобой отвлеклись, давай лучше вернемся к нашим баранам. Главная задача на сегодняшний день – сделать так, чтобы террористических актов в Олимпе было поменьше. Напряги ребят, пусть составят список вероятных целей и пусть продумают план защиты города. Посмотришь, что они насочиняют, добавишь свои мысли, а то, что получится, тащи ко мне, будем думать дальше.

8

Говорят, от амброзии не бывает похмелья. Может, так оно

и есть, но от коньяка похмелье бывает, даже от самого хорошего коньяка. Якадзуно убедился в этом, когда его разбудил истошный вой сирены, а затем увесистый пинок по кровати.

Якадзуно открыл глаза и увидел, что его кровать пнул Мин Го, который орал, безуспешно пытаясь перекричать вой сирены:

– Вставай, козел, боевая тревога!

Якадзуно сообщил в грубой форме, что он не козел, но с кровати встал, оделся, взял оружие и обнаружил, что в комнате никого, кроме него, уже нет, куда идти, он не знает, и вообще почувствовал себя полным идиотом.

Он вышел в коридор и направился в ту сторону, где, как ему казалось, должен находиться центр подземного города. Он успел дойти только до первого перекрестка.

– Стой, кто идет! – раздался голос из темноты. Якадзуно замер на месте.

– Свои, – ответил он. – Якадзуно Мусусимару, на службе со вчерашнего дня. Оружие есть, а куда идти, не знаю.

Якадзуно подумал, что зря не надел инфракрасные очки – тогда было бы видно, с кем разговариваешь.

– Никуда не идти, – приказал голос. – Оружие кладешь на пол, сам ложишься на живот, руки сложены за спиной, ноги расставлены.

Якадзуно выполнил приказ, несмотря на то что из-за похмелья это было весьма затруднительно.

Часовой шумно втянул воздух ноздрями.

– Пил, что ли? – удивленно спросил он.

– Да, мы с ребятами вчера переезд обмывали.

– Раньше у Аламейна служил?

– Да.

– Тогда почему не со всеми?

– А где все?

– Ты что, свой пост не знаешь?

– Мне так никто и не объяснил, где мой пост.

– Ну ты даешь... Набрали охламонов... – невидимый часовой что-то сделал с рацией и заговорил строгим уставным голосом: – Докладывает рядовой Хусейн. На посту задержан посторонний, назвался Якадзуно Мусусимару, говорит, что из дивизии бригадного генерала Аламейна ад-Дина. Пьян в стельку, где его пост, не знает... Да, так точно, жду.

Через минуту рация снова пиликнула, рядовой Хусейн снова представился, а затем некоторое время молча выслушивал указания. Далее он заверил рацию, что все понял, оборвал связь и обратился к Якадзуно:

– Вставай, вояка. Почему не сказал, что освобожден от караульной службы?

– Ну... боевая тревога все-таки... – замялся Якадзуно.

– До особого распоряжения на боевые тревоги можешь не реагировать. И нечего слоняться по комплексу, только людей нервируешь, не ровен час, пристрелят еще.

– Но меня разбудили...

– Надо было послать! Давай проваливай отсюда и больше

мне не попадайся.

Якадзуно с трудом встал на ноги и побрел обратно. Ему было очень неприятно. Не то чтобы он потерял лицо, нет, до этого дело пока еще не дошло, но все равно ему было очень неприятно.

9

Изображение на экране на мгновение остановилось, а затем вообще исчезло, и на месте разгромленной фермы появился Джон Рамирес. Он выглядел взъерошенным и говорил с трудом. Непосвященному трудно было понять, в чем дело – то ли он накачался амброзией по самое не могу, то ли просто очень потрясен случившимся.

– Братья и сестры! – нетвердо провозгласил Рамирес. – Мне очень трудно говорить, и потому я буду краток. Теперь вы увидели то же, что и я, и вам не нужно долго объяснять, что это такое, вы и так все поняли. Это война, большая война до победного конца. В такой войне не бывает мирных переговоров, исходов может быть только два – или безоговорочная победа, или безоговорочная капитуляция.

Вы видели, как ящеры показали нам свое истинное лицо. Долгие годы они прикидывались мирным народом, жили рядом с нами, делали вид, что их не волнуют наши дела, но на самом деле они копили силы и ждали подходящего момента. Всеми правдами и неправдами они добывали человеческую

технику и человеческое оружие, учились им владеть, приобретали наши знания, копили силы. Когда революция сотрясла наше общество, они решили, что их час настал, и перешли в наступление.

Пока они боятся открыто выступить против нас, зная, что мы сильнее. Подобно трусливым шакалам, они атакуют самых слабых, тех, кто временно отбилсЯ от стада. По данным особого отдела, от рук ящеров приняли смерть уже более пяти тысяч человек. Вдумайтесь в эти цифры – пять тысяч человек! Это не единичная террористическая вылазка, это война на уничтожение. С этого момента на Деметре больше нет места для двух разумных рас, в живых останется только одна.

Вы видели в видеозаписи, что ящерам помогают люди. Мы прекрасно знаем, кто эти, с позволения сказать, люди. Свиноголовые бойцы, продажные слуги корпораций, теперь они предали не только свой народ, но и всю человеческую расу. Они встали на сторону чужих и отныне больше не люди, отныне все, запятнавшие себя сотрудничеством с ящерами, должны уничтожаться на месте, без суда и следствия.

Братья и сестры! Мне очень горько говорить об этом, но мы вступили в войну. Не мы начали войну, нам ее навязали, и теперь мы обязаны сделать все, чтобы в этой войне оказаться не на щите, а со щитом. Мы обязаны победить, иначе у нас нет будущего на этой планете, иначе наши дети падут под ножами ящеров и наш род пресечется. Мы не имеем права допустить этого. Дадим миру шанс!

На этом речь закончилась, и телевизионный Джон Рамирес исчез с экрана, уступив место рекламе освежителя воздуха. Реальный Джон Рамирес щелкнул пультом и переключился на телетекст. На настенном экране отобразилась мелкомасштабная карта Олимпийской равнины, которая сейчас была усеяна многочисленными красными точками, кружочками и вытянутыми овалами. Атмосферная авиация поработала хорошо, ящеры заплатили сторицей за свое вероломство. А ведь это только начало...

10

Когда до кабинета Вахида осталось метров сто, по ушам резко ударил ревун боевой тревоги. Анатолий сверился с планом комплекса, который он только что скачал из компьютерной сети, резко развернулся и побежал назад, в то место, где должен находиться центральный боевой пост. Он успел вбежать в помещение секунды за три до того, как тяжелая бронированная дверь автоматически захлопнулась, отрезая цитадель подземного комплекса от остальных помещений.

Часовой у входа попытался остановить Анатолия отравленной иглой, но добился только того, что упал на пол, баюкая вывихнутую руку.

– Вахид! – закричал Анатолий. – Останови их! Вахид отвернулся от многочисленных экранов системы управления боем и крикнул в ответ:

– Отставить! Это свой!

Рядом с Вахидом Анатолий заметил двух ящеров, оба выглядели взволнованными.

– Ты вовремя, – сообщил Вахид. – Сможешь напрямую подключиться к этой системе? – он указал на консоль стационарного компьютера.

– У меня нет кодов доступа.

– Чанг! Организуй ему полный доступ, и побыстрее!

– Полный доступ? – недоуменно переспросил молодой узкоглазый офицер.

– Я что, неясно выражаюсь? Полный доступ и быстро!

Анатолию очень хотелось спросить, что происходит, но он подавил это желание. Быстрее будет напрямую получить информацию из локальной сети.

Чанг зарегистрировал в системе нового пользователя, Анатолий вбил код в собственную мобилу и подключился к сети. Ого!

Анатолий нецензурно выругался. Один из ящеров тоже выругался, по-своему, по-ящерски.

– Хфов в огненном кольце, – сказал он. – Пятьдесят тысяч ящеров сгорят заживо в ближайшие часы. Они бомбят все есусев, до которых могут достать.

Анатолий послал простейший запрос к базе данных и обнаружил, что оценка, которую дал ящер, занижена по меньшей мере на порядок. Решительные ребята эти лен-нонцы, даже Гитлер не действовал с таким размахом.

Дела обстояли следующим образом. Час назад в воздух поднялось около двухсот боевых вертолетов. Они рассредоточились и заняли позиции над ящерскими городами, а три минуты назад все одновременно начали бомбардировку.

Судя по результатам первых наблюдений, применялись только фугасные и зажигательные электрические бомбы, интеллектуальное оружие не использовалось. То ли у братства не нашлось военных пилотов с полным набором имплантатов, то ли они сочли нецелесообразным тратить дорогие боеприпасы на ковровую бомбардировку абсолютно незащищенных целей. Фактов применения химического и биологического оружия тоже пока не отмечено. Авиация братства действовала без особых мудрствований – истребитель разбрасывал кассеты вокруг города, образуя огненное кольцо, которое сжималось уже без посторонней помощи. Если создать большой очаг достаточно горячего пламени, оно формирует огненный вихрь, в котором сгорает даже самое влажное дерево. Судя по картинке, имеющейся в локальной сети, все ящерские города в радиусе трехсот километров от Олимпа были обречены.

Базы наркомафии бомбардировке не подвергались. То ли братство пока не знает о том, где они расположены, то ли решили оставить на закуску. Скорее первое, чем второе самого сильного противника надлежит уничтожать в самом начале боевых действий. Ничего, скоро все изменится, и братство узнает, где расположены эти базы.

Неожиданно в груди. Анатолия шевельнулся червь сомнения. Что он делает, зачем он помогает этому зверству, неслышанному в истории человечества? Да, ящеры не люди, но вот рядом стоят два ящера и очень трудно смотреть на них и не испытывать сочувствия к разумным существам, чья родина горит в огне и чьи соплеменники в это самое время тысячами гибнут ужасной мучительной смертью. Эволюция эволюцией, но одно дело отвлеченно рассуждать, что сильные выживают, а слабые вымирают, и совсем другое – видеть собственными глазами, пусть даже и на экране компьютера, как ты убиваешь сотни тысяч тех, кого считаешь слабыми. И нечего отговариваться, что лично ты никого не убил – если бы Анатолий не сделал видеозапись налета на ту ферму, бомбардировка не состоялась бы. Анатолий заставил себя вспомнить, как юный Никита зарезал беззащитную юную женщину, и это воспоминание придало ему сил. Удалось даже обойтись без принудительного управления эмоциями.

Анатолий поинтересовался, какие действия предпринял Вахид, и немедленно получил ответ от компьютеров. Действия были вполне логичными – полное радиомолчание плюс полная капсуляция подземелья. Все служащие базы, находящиеся на поверхности, получили приказ затаиться. Автономную гранату так не обманешь, но похоже, что на борту машин братства высокоточных боеприпасов сейчас нет.

И точно, один истребитель прошел на большой высоте

непосредственно над Карасу и ничего не заметил. Пронесло.

Вахид деликатно покашлял. Анатолий вытащил часть своего сознания из сети и вопросительно обернулся.

– Как вы полагаете, – спросил Вахид, – насколько боец вашего класса сильнее обычного пилота в воздушном бою?

– Все пилоты имеют допуск класса Е, – отрезал Анатолий, – других не бывает.

– А если бойцу класса D оформить допуск класса Е, но не обновлять имплантаты?

– Он сможет летать, но не сможет управлять высокоточным оружием, а в маневренном бою ему не хватит умения. Хотя, с другой стороны, основной фактор успеха в воздушном бою – удача. На втором месте информационное превосходство, на третьем – техническое. Личные качества пилота тоже играют важную роль, но не такую уж и большую.

– Если вы сейчас подниметесь в воздух, что вы сможете сделать?

– У вас здесь есть истребитель?

– Здесь – нет, но я знаю где.

– И где же?

– Название этого места ничего вам не скажет. Вы не ответили на мой вопрос.

Анатолий задумался. Если быть честным, у него почти не было шансов. Он мог сбить две-три машины противника до того, как остальные навалятся всем скопом и просто задавят массой. Кроме того, когда противник полностью контро-

лирует ближний космос, поднять в воздух боевую машину означает подписать смертный приговор той базе, с которой она взлетела. Но посмотреть живьем на истребитель, принадлежащий наркомафии... да, это стоит того. С другой стороны, как бы не зарваться...

– Можно попробовать, – решительно сказал Анатолий. – Мы выезжаем прямо сейчас?

– Нет, что вы! – изумился Вахид. – Пока истребители не вернутся на свои базы, на поверхность подниматься нельзя. Кроме того, туда довольно далеко ехать, так что лишняя пара часов ни на что не повлияет. Когда тревога будет отменена, я свяжусь с генеральным штабом, эту операцию нельзя начинать без их одобрения.

– Какую операцию? Доставку меня к истребителю?

– Да.

Анатолий решил, что момент настал.

– Где здесь сортир? – спросил он.

– Медвежья болезнь? – усмехнулся Вахид. Анатолий неопределенно пожал плечами.

Вахид указал на неприметную боковую дверь.

Анатолий пошел в ее сторону, какой-то младший офицер отступил на шаг, освобождая дорогу старшему по должности. Анатолий легонько стукнул в одну точку на боку этого человека, тот пошатнулся и осел бы на пол, если бы Анатолий не поддержал его. Другой рукой Анатолий извлек из-за пояса несчастного тяжелый пневматический пистолет, обер-

нулся и выстрелил шесть раз, после чего обойма опустела. Противников было десять.

К счастью для Анатолия, противники начали реагировать слишком поздно. Анатолий успел подскочить к кухонному столику на колесиках, схватить с него ножи и сделать три броска. Мало кто знает, что обеденные ножи с неутяжеленной рукояткой гораздо легче метать, чем любые другие, за исключением специально предназначенных для метания. Конечно, обеденные ножи тупые, но если руки метателя – оснащены мускульными усилителями, а дистанция не превышает пяти метров, тупизна ножа не имеет никакого значения.

Все три ножа достигли цели, теперь на ногах оставались только Анатолий и Вахид. Вахид успел выхватить из кобуры электрический пистолет (в тесном помещении таким оружием пользуются только самоубийцы), но рукоятка четвертого ножа ударила его по запястью и пистолет выпал.

– Сдашься сам? – спросил Анатолий.

Вахид предложил Анатолию совершить противозаконное действие с собственной матерью, а также выразил ряд предположений о родстве Анатолия с некоторыми существами, главным образом мифологическими.

– Твое дело проиграно, – сказал Анатолий, – завтра эта база будет уничтожена. Твой друг Рашид говорил, что вы, пионеры, прагматики, так будь прагматичен!

– Я не предаю друзей! – заорал Вахид, бросился на Ана-

толия, но через секунду лежал на полу в глубоком нокауте.

Анатолий нанес контрольный удар и запустил руку в потайной карман куртки, где лежал одноразовый шприц-тюбик, наполненный феназином. Просто на всякий случай.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Феназин подействовал быстро, не помешало даже временное расстройство периферической нервной системы Вахида. Уже через три минуты Вахид выдал несколько распоряжений по селекторной связи, а сейчас бодрым шагом двигался по подземному коридору в сторону замаскированной автостоянки. Анатолий шел сзади и делал вид, что это Вахид его куда-то ведет. Анатолий не видел лицо Вахида, но знал, что оно выглядит застывшим и безжизненным, так всегда бывает после феназина, но сейчас это не страшно, потому что такое же выражение лица бывает после того, как узнаешь ужасные новости, потрясающие до глубины души. Бойцы, попадавшиеся навстречу, оценивали выражение лица командира именно таким образом.

Часовой, стоявший около выхода, сильно удивился, что командир решил нарушить собственный приказ, категорически запрещающий выходить на поверхность до особого распоряжения, но Анатолий заранее проинструктировал Вахида. Они вышли на поверхность без проблем.

Вахид сел за руль «Муфлона» и завел двигатель.

– Не забудь предупредить наружную охрану, – сказал Анатолий.

– Еще рано, – мрачно отозвался Вахид.

– Когда будет нужно – не забудь.

– Да.

Больше Вахид не произнес ни слова до самого Олимпа.

2

Тревога длилась чуть более часа, после чего прозвучал отбой. Соседи Якадзуно вернулись в комнату, возбужденно переговариваясь, они сильно удивились, застав в комнате спящего Якадзуно, которому пришлось повторно проснуться и дать необходимые объяснения.

– Что же ты раньше не сказал? – возмутился Ахмед. – Сказал бы, что освобожден от караульной службы, и не пришлось бы себя дураком выставлять. Да и всех нас тоже. Теперь все будут смеяться, дескать, бойцы Аламейна вообще порядка не знают, как дети малые, тьфу!

Якадзуно почувствовал себя идиотом. Он подумал, что в последнее время это чувство становится хроническим, и ему стало грустно.

Ахмед, Дхану и Мин Го стали опохмеляться. Они не предложили Якадзуно поучаствовать в этом процессе, и ему пришлось пить ароматизированную воду из холодильника. Он почувствовал себя чужим в этой компании.

Из подавленного состояния Якадзуно вывело сообщение по громкой связи. Динамик зашипел и сказал человеческим голосом:

– Офицеру для особых поручений Якадзуно Мусусимару немедленно прибыть к командующему.

Якадзуно недоуменно захлопал глазами. Он никак не ожидал, что его произведут в офицеры, а тем более в офицеры для особых поручений.

– Что сидишь? – прошипел Дхану. – Бегом к командующему, офицер хренов!

Ахмед и Мин Го синхронно цыкнули, но Дхану ничуть не смутился.

– Ну и что? – агрессивно спросил он. – Мало ли, кто какой офицер, мне теперь что, перед ним на цыпочках бегать?

Якадзуно ничего не сказал, он вытащил из тумбочки кобуру с пистолетом, наскоро привесил ее на бедро и быстрым шагом направился в кабинет командующего.

Ибрагим выглядел еще хуже, чем тогда, когда они летели в вертолете. Лысый череп был покрыт красными шелушащимися пятнами, под глазами залегли темные круги. На столе перед Ибрагимом стоял объемистый горшочек, наполненный какой-то тягучей жижей, время от времени он зачерпывал эту жижу столовой ложкой и отправлял себе в рот.

– Ну что? – спросил Ибрагим. – Ты принял решение?

– Какое решение? – не понял Якадзуно.

– Ты с нами или против нас?

– А, это... Пожалуй, с вами.

– Пожалуй? На, посмотри.

На одном из мониторов появилась мелкомасштабная карта окрестностей Олимпа, она была густо усеяна красными точками, кружками и кольцами.

– Что это? – спросил Якадзуно.

– Районы сплошного огня. Братство провело ковровую бомбардировку всех крупных городов западного Усуфлай. Заживо сгорело не менее ста тысяч ящеров, а по пессимистическим оценкам, до миллиона.

Якадзуно на секунду потерял дар речи.

– Зачем они это сделали? – выдохнул он, как только язык снова стал ему повиноваться.

– Официальная доктрина братства рассматривает Деметру как планету для людей. Ящеры не вписываются в светлое будущее, которое предлагает Багров. Поэтому ящеры должны быть уничтожены.

– Но это же геноцид!

– Он самый. Помнишь, о чем мы говорили, когда Евсро привез нас к Аламейну?

– Помню. Но я не ожидал, что они начнут так быстро!

– Этого никто не ожидал. Но они решили начать немедленно. Устроили провокацию, дескать, ящеры нападают на удаленные фермы, убивают людей и вывозят имущество, а потом все обставляют так, как будто жители сами уехали. И еще братство говорит, что ящерам помогают люди.

– Мы?

– Нет, пока они говорят, что это остатки вооруженных сил конфедерации. О нас они вообще ничего не говорят, мы для них пока не существуем. Они думают, что нами они займутся потом.

– И что теперь?

– Война уже началась, ее начали не мы, но нам от этого не легче. Это будет страшная война, война на уничтожение. Думаю, мертвецы будут в каждой семье.

– Почему? Как ящеры смогут добраться до Олимпа?

– Так же, как вы с Анатолием. На лодке. У ящеров есть человеческое оружие и ящерам больше нечего терять. Очень скоро вся Деметра запылает в огне. Не только те земли, в которых живут ящеры, но и те, в которых живут люди.

– Что мы можем с этим сделать?

– Кое-что можем. Так ты принял решение?

– Да, я принял решение. Я с вами.

– Вот и хорошо. Смотри сюда, сейчас я тебе кое-что объясню.

3

– Ты идиот, – сказал Дзимбээ. Несмотря на то что он произносил ругательные слова, его глаза улыбались. Анатолий тоже улыбнулся, и его улыбка получилась немного самоодвольной.

– Победителей не судят, – сказал он.

– Победителей не судят, а идиотов судят. Что вообще за бесовщина кругом творится, куда ни плюнь, кругом идиоты! Я вообще не понимаю, как они тебя не раскололи!

– Наглость – великая вещь. Они просто не ожидали, что я буду себя вести настолько нагло. Вот тебе пришло бы в голову, что к этому зданию однажды подойдет агент пионеров, назовет охранника по имени, и тот пропустит его внутрь?

– Это невозможно, у нас карточная пропускная система.

– Тогда агент пионеров не войдет внутрь, а будет стоять рядом с охранником, чесать языком, а потом, когда мимо будет проходить Сингх, он откроет огонь.

Лицо Дзимбээ вытянулось. Похоже, такая идея еще не приходила ему в голову.

– Спасибо, Анатолий, – сказал он. – Я не подумал, что здесь на входе стоят обычные охранники. У нас на Гефесте в наружной охране работали такие ребята, с которыми подобные фокусы не проходили. Да, ты прав, надо провести дополнительный инструктаж, а может, еще и учения.

– Так я пойду?

– Подожди, я еще не сказал тебе спасибо. Спасибо, Анатолий. Ты, конечно, еще тот сукин сын, но ты везучий сукин сын. Ты очень помог нам. Вахида потрошат всюю, у него в голове столько ценной информации... Кстати, ты умеешь управлять атмосферным истребителем?

– Могу научиться за пару часов, если есть обучающая про-

грамма.

– А вертолетом?

– То же самое. Я неплохо управляю ранцем Бэтмена, да еще здесь, на Деметре, научился управлять автомобилем. Другими транспортными средствами мне не приходилось управлять.

– Научишься. Не желаешь лично разбомбить Карасу?

Анатолий недовольно поморщился. Одно дело – проявить чудеса ловкости, героизма и личного мужества, проникнув в логово врага и вытащив оттуда все важные тайны, и совсем другое дело – хладнокровно сжечь шесть тысяч практически беззащитных разумных существ.

– Брезгуешь? – ехидно спросил Дзимбээ. – Хочешь сохранить руки чистыми? Или там у тебя тоже друзья? Будешь ссылаться на особое условие контракта?

– Нет, – с усилием произнес Анатолий, – там нет моих друзей и я не буду ссылаться на особые условия контракта. Пойдем посмотрим на этот гадский самолет. Ты прав, Дзимбээ, чистыми руками такие дела не совершают.

Дело было не в том, что своими словами Дзимбээ устыдил Анатолия. Просто перед внутренним взором Анатолия на мгновение предстала женская спина, в которую вонзается нож. Сражаясь с теми, кто позволяет себе такие зверства, нельзя сохранить руки чистыми.

– С какой целью вы начали разграбление мирных ферм? – спросил Сингх.

– Я получил приказ от вышестоящего начальства, – тихим безжизненным голосом ответил Вахид и умолк.

Сейчас в крови Вахида плескался такой адский коктейль, что врачи уже давно не понимали, почему он еще жив. Но что делать – мозг этого человека хранил в себе столько ценнейшей информации, что получить ее жизненно необходимо, причем получить нужно срочно, и не важно, что после допроса человек умрет. Если бы у братства был месяц-другой лишнего времени, можно было бы провести допрос в щадящем режиме, а в сложившейся ситуации альтернатив нет.

– От какого вышестоящего начальства? – уточнил Сингх.

– От большого босса.

– Кто такой большой босс?

– Тот, кто отдает стратегические приказы.

– Это Ибрагим Бахтияр?

– Я не знаю его имени.

– Это один человек или группа?

– Не знаю.

– Как ты думаешь?

– Один человек.

– Где он находится?

– Не знаю.

– Как ты предполагаешь?

– В Исламвилле.

– Почему там?

– Исламвилль – самая большая наша база.

– Думаешь, командир должен размещаться на самой большой базе? Почему?

– Так удобнее.

– Как у вас организована связь между базами? Дзимбээ вежливо кашлянул.

– Мы теряем время, – сказал он. – Все эти вопросы уже задавались.

– И каков результат?

– Наркомафией командует некий анонимный большой босс. Кто он такой – никто не знает, все приказы приходят по электронной почте. Тут есть кое-что интересное... Может, мы отпустим этого типа? У следователей еще осталось немного вопросов.

– Хорошо, пусть его уведут. Так что там интересное обнаружилось?

– Пионеры пользуются спутниковой связью.

– Канал уже выявили?

– Пока нет. Мы знаем идентификатор канала и некоторые коды, но ни в одном журнале нет информации о том, что этим каналом когда-либо пользовались.

– Может, они сменили канал?

– Непохоже. Вряд ли они уже поняли, что Вахид похищен. Если Ратников нигде не прокололся, они думают, что Вахид повез его на какое-то срочное задание и поводов для тревоги нет. Но даже если Ратников прокололся, вряд ли они уже успели перейти на резервный канал, Это не такое быстрое дело, как может показаться.

– Тогда в чем дело?

– По-моему, нам надо проконсультироваться с Окаямой. У нас в отделе нет сильных хакеров.

– Проконсультируемся. А что, есть подозрения на вирус?

– На вирус не похоже, а вот троянские модули в системе спутниковой связи могут быть запросто.

– Что же ты раньше не сказал?

– Я только что узнал.

– Я немедленно звоню Окаяме, а ты давай принимай меры. Все базы, координаты которых указал этот хмырь, нужно немедленно разбомбить.

– Я уже договорился с полковником Ногами. Кстати, у него нашелся настоящий истребитель, пятая модель «Чайки», на нем сейчас Ратников тренируется.

– Не боишься, что он нас кинет?

– Побаиваюсь, но, по-моему, риск стоит того.

– Как знаешь. Ладно, действуй, время дорого.

Перегруженный «Муфлон» летел в полуметре от земли, напряженно воя пропеллерами и вздымая тучи жидкой грязи. За рулем сидел Евсро, из пассажирского салона все сиденья были удалены и дно машины было густо завалено разнообразными ящиками, коробками, тюками и баулами. Посреди этого беспорядка валялись Якадзуно и Возлувожас, оба задумчиво смотрели в потолок, на их лицах застыло совершенно одинаковое отрешенное выражение, это было даже комично.

Машину сильно трясло, сидеть было невозможно, можно было только лежать, растопырив руки и ноги и не теряя бдительности, чтобы не получить в бок тяжелым деревянным ящиком, окованным металлом. В первые минуты путешествия Якадзуно пытался завести дружескую беседу с Возлувожасом, но это было решительно невозможно – Возлувожас почти не разговаривал по-человечески, а Якадзуно мог говорить на ухуфласо только на самые простые бытовые темы. Обсуждать на этом языке политику было выше его сил.

Якадзуно подумал, что Ибрагим сделал большую ошибку, направив его посланником ко двору ухуфласес швув. Ибрагим говорил, что Якадзуно – единственный, кто какое-то время жил с ящерами и знает их жизнь изнутри, и поэтому никто лучше него не справится с этой задачей. Если Иб-

рагим Не лукавил, получается, что ситуация очень тяжелая. Если уж Якадзуно оказался лучшим кандидатом на должность посла, то что же представляют собой остальные?

Задача, поставленная перед Якадзуно, формулировалась очень просто – гнев ящеров не должен быть направлен на сопротивление. Ни при каких обстоятельствах ящеры не должны атаковать пионерские базы, войну на два фронта сопротивлению не выдержать. Якадзуно спросил, как далеко простираются его полномочия, и Ибрагим ответил, что они неограниченны. Якадзуно может обещать ящерам все, что угодно, хоть все звезды с неба, но ящеры не должны стать врагами. Лучше, чтобы они стали друзьями, но даже если они будут просто сохранять нейтралитет, это будет не страшно. Будет страшно, если они станут врагами.

Якадзуно попытался встать, но машину в очередной раз трянуло, и встать не удалось. Тогда Якадзуно ползком пробрался в ее переднюю часть и сел рядом с Евсро, на единственное сохранившееся сиденье, не считая водительского.

– Как настроение? – спросил Евсро.

– Хреново.

Евсро мрачно фыркнул.

– Ты еще не знаешь, что такое хреново, – сказал он. – Вот если бы шешерэ сожгли Олимп, вот это было бы хреново, а те неприятности, что у вас, – ерунда.

– Не скажи, – возразил Якадзуно. – До сегодняшнего утра все наши разборки были внутренним человеческим делом,

а Теперь полем боя становится вся планета. Войну уже не остановить. Ибрагим говорит, что мертвецы будут в каждой человеческой семье.

– Ибрагим относится к нам с большим уважением, – хмыкнул Евсро. – Мало кто из людей адекватно оценивает наш потенциал. Вы привыкли считать нас глупыми дикарями, но леннонцы скоро поймут, какую ошибку они допустили.

– Где ты научился так говорить? – удивился Якадзуно. – Адекватно, потенциал... эти слова не каждый человек понимает.

– У меня были хорошие учителя, – сказал Евсро и впервые за все время оскалился в хищной улыбке, почти человеческой. – Ухуфлале – не дикари, у нас есть своя наука и свое искусство, вы, люди, не понимаете ни того ни другого, но это не наша проблема, а ваша. Мы не такие сильные, как вы, но это вопрос времени. Мы другие, в этом наша слабость, но в этом и наша сила. Если бы мы и вы смогли жить вместе, стать не то чтобы единым народом, но двумя народами, живущими в гармонии на общей земле, мы стали бы сильнейшим народом во Вселенной.

– На сегодняшний день люди – сильнейший народ во Вселенной, – уточнил Якадзуно. – По крайней мере, в той ее части, что нам известна.

– Вы знаете всего две чужие расы, при этом вторая раса настолько чужда и нам, и вам, что не может быть ни другом,

ни врагом. А что будет, когда в вашем поле зрения появится еще одна раса?

– Поживем – увидим, – пожал плечами Якадзуно. – Нам бы сейчас разобраться с проблемами этой планеты...

– Разберемся. Так или иначе – разберемся. В худшем случае, с ними разберутся без нас. Скажи, Якадзуно, как ты считаешь, люди и ящеры смогут стать единым народом?

– Трудно сказать... Пока я не вижу никаких причин, по которым это было бы невозможно. Но что получится на практике... особенно после этой бомбардировки...

– Ты хочешь, чтобы – мы и вы жили в гармонии?

– Хочу.

– Я тоже этого хочу. Я хочу этого больше всего в жизни. Вы появились в нашем мире как срумворлалк все, посланники богов. Мы, срасэ, молили богов о благой вести, и они дали нам благою весть.

– Сегодняшняя бомбардировка – благая весть?

– Ваши боги тоже устраивали бомбардировки. Содол и Волосра, правильно?

– Содом и Гоморра.

– Да, правильно. Боги всегда испытывают тех, кто в них верит.

– Ты считаешь людей богами?

– А ты считаешь меня идиотом? Нет, я не считаю людей богами, я считаю вас такими же игрушками богов, как и мы. Боги играют смертными, богам все равно, какую фишку дви-

гать – человека или ящера. Знаешь, чем мудрый отличается от глупого? Мудрец понимает, когда его касаются руки богов, и вовремя делает нужные выводы. А глупец в богов не верит, глупец думает, что Вселенная живет сама по себе, как шесш на болоте, глупец не раздвигает горизонт познания, не видит общей картины и понимает только то, что сейчас видит. У вас, людей, есть поговорка – то, что не убивает нас, делает нас сильнее. Сейчас боги дают нам шанс стать сильнее.

– Хороший способ сделать нацию сильнее – уничтожить сто тысяч, а дальше видно будет. Отличный шанс стать сильнее, особенно для тех, кто уже погиб.

– Бог обязан быть жестоким, иначе это не бог. Без жестокости нет власти.

– Хорошие у вас боги.

– Наши боги не более жестоки, чем ваши. Наши боги не сжигали наши города, пока не пришли вы. Иногда мне кажется, что вместе с вами на Деметру пришел ваш Ахве.

– Яхве.

– Да, Яхве.

– Мы едем к швув Ойлсова! В вашу столицу... как она называется...

– Осулев. Да, мы едем туда, только для начала сделаем несколько остановок, я должен ознакомиться с результатами бомбардировок и сделать видеозапись. Тебе тоже будет интересно.

– Хочешь поднять свой народ на священную войну?

– Его не нужно поднимать, он и так поднимется. Наша задача – объяснить народу, что истреблять нужно не всех людей, а только некоторых.

– Вы хотите устроить резню в Олимпе?

– Кто бы нам дал! Я просто хочу, чтобы мои подданные чувствовали себя не как вгувоэ на охоте, а как вызуэ на войне.

– Твои подданные? Разве ты сам не подданный швув Ойлсовс?

Евро фыркнул.

– Между нами говоря, – сказал он, – я боюсь, что швуб Ойлсова осталось править недолго. Он не самый плохой правитель, но и не самый хороший, для чрезвычайной ситуации он не годится.

– И кто его сменит?

– Поживем – увидим.

– Может, ты?

– Вряд ли. Видишь ли, я не сэшвуэ, я срас, мое дело – совершать ритуалы и толковать волю богов. Я не умею сражаться, я никогда не держал в руках решв, у меня нет никакого улухцов, у меня неплохое фувуху, но это не то фувуху, какое достойно дрижа гузес овусев. Я читал вашу историю, я знаю, что у вас был ласдимал Сишеле, который был верховным срасун своей страны и правил вместо лсусов Лэдовил.

– Ты имеешь в виду кардинала Ришелье?

– Наверное. Я плохо запоминаю человеческие имена. Воцарилось молчание. Оно длилось минут пять, потом Евсро спросил:

– Ну так что? Ты со мной?

– В каком смысле? – не понял Якадзуно.

– Ты сможешь мне сделать то, что нужно?

– А что тебе нужно?

– Это нужно не только мне, но и нашим народам. Я хочу объединить Усуфла под своей властью и объявить священную войну братству. Соппротивление станет нашим союзником. Если вы сумеете быстро восстановить контроль над всей человеческой территорией, мы закончим войну. Если нет – будем истреблять олимпийцев всеми доступными способами везде, где сможем достать. Мы начнем тотальный террор, наши женщины будут откладывать яйца не один раз в год, а четыре, все наши лозшуэ станут сэшвувой, а половина фохе станет лозшувой. У нас в стране сто шестнадцать лет не было жийшавев, вы, люди, не знаете, что это такое, но те, кто служат братству, скоро это узнают!

– Как вы собираетесь воевать? Мечами и кинжалами?

– У нас есть ваше оружие, его немного, но скоро будет больше. У вас каждый фохев носит с собой пистолет, а отнять оружие у фохей совсем несложно.

– Кстати! Ибрагим говорил, что братство устроило какую-то провокацию, вроде того что какие-то ящеры разграбили какую-то ферму, перебили там всех людей, включая

маленьких детей, и забрали оружие. А может, это была не провокация?

Евсро ненадолго задумался.

– Не буду врать, – сказал он, – это вполне могло быть. Я не отдавал такого приказа, но это могла быть частная инициатива какого-нибудь вавусов или даже бродячие сузухахсойлай, это вполне вероятно, они могли подумать, что за людей никто не заступится, и напасть на легкую добычу. Я не начинал эту войну. Веришь?

Якадзуно растерянно пожал плечами.

– А что мне остается? – сказал он. – Пока верю.

– Тебе повезло, что я не сэшвуэ, – ответил Евсро. – Сэш-вуй воспринимают недоверие к их словам как личное оскорбление. Будь осторожнее с этим. Запомни, Якадзуно, мы, вызуэ, не обманываем. Если мы не хотим говорить правду, мы молчим или говорим о другом, но мы никогда не лжем напрямую. Для вас это странно, но мы устроены именно так. Ну так что? Ты мне поможешь?

– Смотря что от меня потребуется.

– Не мешать, не лезть на рожон, не выступать с непродуманными идеями, не помогать другим партиям. Я не могу заставить тебя помогать мне, но если ты мне поможешь, ты можешь быть уверен, что насилие по отношению к людям будет сведено к минимуму. А если ты поможешь, например, Фесеца Левосех, можешь быть уверен, что планета утонет в крови.

– Фесеза Левосех? Разве он такой значительный человек, то есть, ящер?

– Он сесеюл есегсев, по-вашему, министр обороны.

– Тогда что он делал в езузере Вхужлоле?

– Ничего не делал, – сказал он. – Фесезл Левосе – очень распространенное имя, дрижэ ловов Увлахув – тетка сесесес есегсею.

– Допустим, я тебе помогу, – сказал Якадзуно. – Думаешь, от меня многое зависит?

– Очень многое. Ловиюв очень боятся людей, они благоговеют перед вами и боятся вас. Раньше все думали, что люди – единый народ, но теперь вы распались на два есу-хеву-фугв и ты – посол того лсусов, что выступает на нашей стороне. Твое влияние будет очень велико, ты сможешь даже свергнуть швув, если захочешь. Только так делать не нужно, потому что иначе междоусобица начнется не только у вас, но и у нас.

– Хорошо, – сказал Якадзуно, – только ты должен пообещать две вещи. Первое – твои ящеры должны стать союзниками сопротивления. Вы будете сражаться плечом к плечу с нами везде, где это потребуется. Вы будете подчиняться приказам Ибрагима Бахтияра.

– Согласен, – кивнул Евсро. – Если Бахтияр не будет использовать нас как пушечное мясо.

– И второе. Твои ящеры не должны творить ненужное насилие над людьми.

– Что есть ненужное насилие?

– Террор, нападения на беззащитные фермы, массовые убийства.

– Братство творит ненужное насилие над ящерами. Я не Могу запретить отдать осусув вместо хахех.

– Чего?

– Хахех ив осусув – не слышал такую поговорку?

– Что-то вроде «око за око»?

– Вроде того. Я не буду призывать к ненужному насилию. Но я сам буду определять, какое насилие нужно, а какое ненужное. Если я буду сомневаться, я буду советоваться с тобой. Что скажешь?

– А если ты захочешь вырезать весь Олимп и не будешь испытывать никаких сомнений?

– Разве я так похож на дурака? Я же ясно сказал – я хочу, чтобы вы и мы могли жить рядом, в мире и дружбе. Я не хочу истреблять ваш народ. Разве мы сможем жить в мире и дружбе, если ящеры вырежут весь Олимп?

– Хорошо, я понял. Я согласен.

– Вот и замечательно. Машиной управлять умеешь?

– Нет.

– Жаль.

Евсро тяжело вздохнул. Он имел совсем небольшой опыт управления человеческими автомобилями. Они проехали всего пятьдесят километров, а он уже сильно устал.

Анатолий застегнул ремни, техник опустил колпак и мир сузился до размеров кабины. Затем Анатолий мысленно перекрестился и дал короткую мысленную команду. Мир расширился.

Анатолий перестал быть человеком. Его взгляд видел в трех диапазонах на сто километров вперед и на тридцать назад, он ощущал двигатели, рули и бомбы в своем брюхе, он чувствовал все свое новое тело, которое было наполнено энергией до самых краев и рвалось в бой.

Служба метеоконтроля выдала карту облачного слоя, и Анатолию не потребовались слова, чтобы понять, что взлет безопасен. Простое движение, столь же естественное, как распрямить ноги, и ракетные ускорители бросили атмосферный истребитель класса «Чайка» вперед по взлетной полосе.

Анатолий изогнул крылья, подъемная сила оторвала его от земли, от рева закладывало уши у тех, что стояли у края полосы и смотрели, как он взлетает. Несчастные люди, им не дано понять, что такое летать по-настоящему, не на вертолете или гравилете или даже ранце Бэтмена, а лететь самому, управлять каждой частичкой своего металлического тела, чувствовать набегающий ветер датчиками, встроенными в обшивку, и ощущать, как тело быстро и четко откликается на любое желание. Чтобы прочувствовать все это, надо стать

либо птицей, либо пилотом.

Трансформация класса Е предусматривает возможность прямого подключения к мозгу внешних компьютеров. Анатолий прекрасно понимал, что в воздушной схватке с опытным асом у него нет никаких шансов, но он полагал, что у наркомафии опытных асов, скорее всего, нет. Вряд ли у них вообще есть боевая авиация. А в таких условиях очень удобно загрузить в мозговой процессор специальную коммуникационную программу, напрямую подключиться к бортовому компьютеру самолета, потратить два часа на отработку рефлексов и все – можно выполнять несложную боевую задачу.

Ускорители отработали и отвалились. Анатолий включил гравитационную тягу и ворвался в облака по оптимальной траектории, исключаяющей излишнюю трату энергии. Он непрерывно отслеживал состояние облачного слоя, небольшая часть сознания следила за тем, чтобы под брюхом не возникла водяная линза, другая часть сознания ловила сигналы от навигационных спутников и прокладывала маршрут к цели, а самая основная часть, та, что составляет саму суть личности Анатолия, просто упивалась ощущением полета.

Это было прекрасно. Никакая виртуальная игра не может передать всей прелести того ощущения, что ты летишь, как самая настоящая птица, как орел в облаках, и ты не просто летишь, ты наполнен силой до краев, ты ждешь, когда наступит момент и ты выбросишь свою силу на тех, кто дерзнул

выступить против тебя, кто осмелился встать на твоём пути. Они хотели войны и они будут уничтожены.

Такой вот сумбур 'творился в голове Анатолия до тех пор, пока он не приблизился к цели на расстояние прямой видимости. А потом бортовой компьютер самолета предложил мозговому процессору Анатолия заблокировать ненужные эмоции, и Анатолий согласился. В бою надо быть спокойным и собранным, даже если бой больше похож на бойню.

Зенитный радар Карасу обнаружил Анатолия и передал стандартный запрос опознавания «свой-чужой». Анатолий откликнулся как свой (еще вчера он скачал соответствующий код из локальной сети базы) и продолжил полет, не меняя ни курса, ни высоты, ни скорости. Трасса полета была проложена так, что солдаты наркомафии должны подумать, что Анатолий летит бомбить небольшой город ящеров, не затронутый вчерашней бомбардировкой. Серьезной ПВО в Карасу нет, Анатолий это прекрасно помнил, но лучше пусть они начнут стрелять только после того, как бомба отделится от самолета.

Сейчас в брюхе Анатолия не было высокоточного оружия. Да и нормального оружия тоже не было, две пятисоткилограммовые электрические бомбы были собраны накануне из подручных материалов, фактически это были большие каскеты, набитые обычными бытовыми аккумуляторами. Энергия взрыва будет на порядок меньше, чем могла быть, но и того, что есть, подземной крепости Карасу будет достаточно.

Анатолий сильно удивился, когда узнал, какую бомбу ему предстоит сбрасывать на цель. Он спросил, почему в его машину загрузили такую рухлядь, что, на складах братства не осталось нормального оружия? Ему объяснили, что нормальное оружие на складах братства есть, но немного, и потому его надо беречь.

Анатолий внимательно взгляделся в местность, проплывающую под крыльями. Через считанные секунды его сканеры углядели в зеленом море джунглей два небольших участка, где хаотичное переплетение ветвей и листьев приобрело ненормальную ритмичность. Первый участок был опознан как автостоянка, второй – как вертолетная площадка. Далее Анатолий скопировал из памяти мозга в память самолета план подземной крепости и провел привязку к местности.

А вот и та ничем не примечательная точка, на которую нужно сбросить бомбу. Три... два... один... поехали! Створки бомболюка распахнулись, бомба отделилась от самолета, Анатолий выждал полторы секунды, пока она покинет зону рассеивания гравитационного поля, а затем сложил крылья и врубил полную тягу.

Детекторы задней полусферы зафиксировали пулеметную очередь с земли. Стреляли из обычного тяжелого пулемета, при этом стрелок явно не умел работать по летающим объектам – он целился не в бомбу, а в самолет.

Это было самое слабое место всего плана. Свободно пада-

ющая бомба в первые секунды абсолютно беззащитна, сбить ее в этот момент левое дело для опытного стрелка. Потом бомба окутывается облаком ложных целей, выбрасывает густую сеть тонких, но прочных слизистых нитей (спасибо цвергской технологии), которые отклоняют пули от цели и не позволяют им вызвать преждевременную детонацию заряда. Эта защита не абсолютна, бомбу можно сбить в воздухе и после того, как защита включилась, но в этом случае шансы зенитчиков на успех очень невелики. Особенно если стрелять из обычного пулемета обычными пулями и не иметь соответствующего боевого опыта.

Бомба достигла земли, задняя полусфера озарилась ослепительной вспышкой, такая же вспышка, только невидимая, озарила радиодиапазон. Та часть Анатолия, которая была бортовым компьютером истребителя, оценила мощность взрыва как три килотонны в тротиловом эквиваленте. Плохо, должно было быть хотя бы четыре, видать, не все заряды взорвались одновременно или некоторые вообще не взорвались. Или бомба упала на толстый металлический кабель, который успел поглотить часть энергии до того, как растекся жидкими каплями и растворился в земле.

Как бы там ни было, взрыв получился знатный. Сзади всю сверкали молнии, вспухало грибовидное облако, а по земле, подобно невидимому плугу, бежала ударная волна. Если не включать оптическое увеличение, с такой высоты ударная волна воспринималась как невидимая линия,

немного изменяющая спектр отражения поверхности в инфракрасном диапазоне. Это было красиво.

Анатолий уменьшил тягу, снова выпустил крылья и лег на обратный курс. Самостоятельно оценивать результаты бомбардировки бессмысленно – пока гриб не рассеется, все равно ничего не увидишь. – А если ждать, когда гриб рассеется, придется потратить такую прорву энергии, что лучше вернуться на базу, а потом прилететь сюда еще раз, если бомба легла неудачно. Но Анатолий чувствовал, что бомба легла как надо и возвращаться не придется, а то, что взрыв получился слабее расчетного – несущественно, подземному городу наркоторговцев хватит и такого заряда.

Бывшему подземному городу, поправил себя Анатолий и мысленно улыбнулся.

7

Рю Акидзиро присел на краешек стула, вежливо отказался от алкоголя и от сигареты и начал рассказывать.

– Я распорядился взять под контроль каждую партию осмия, добываемого на карьерах ХММ, – начал он. – Обнаружилось, что недостающие двадцать пять тонн в месяц привозятся в район... позвольте, я покажу на карте... вот сюда.

– Сюда? – удивился Хируки Мусусимару. – Зачем? Что тут с ними делать? Тут даже склад нормальный не поместится.

– Я тоже вначале подумал про склад, – сказал Рю, – но поезда заходят в ворота на слишком большой скорости.

– Поезда?

– Туда возят не только осмий. Я не успел провести детальный анализ, но по первым прикидкам похоже, что там находится большой машиностроительный завод.

– На этом пяточке?

– Нет, на этом пяточке нет ничего, кроме тоннеля. Я заказал геологическую разведку вот в этом районе... ага, вот здесь, и разведка обнаружила наличие большого тоннеля, предположительно уходящего вот сюда. Как видите, здесь расположена большая пустошь, породы абсолютно бесплодные, здесь даже цверги не живут. Я проверил соседние транспортные узлы, подобные аномалии обнаружились еще в двух местах – вот здесь и вот здесь. На этот завод ведут по крайней мере три магистральных тоннеля из разных мест.

– И что там производится?

– Судя по ассортименту сырья, промышленные роботы.

– Насколько мощное производство?

– Около двух килотонн в месяц.

– Сколько?!

– Мне тоже не верится, но получается так. Вот, сами посмотрите.

– А энергопотребление?

– Вероятно, автономный реактор.

– Следы радиации?

– На таком расстоянии не определяют, а ближе не подойдешь – у них там очень хорошая охрана. Я пробовал отпирать портативных роботов – ни один не вернулся.

– Много наотправлял?

– Двоих. Я решил, что дальнейшие попытки привлекут ненужное внимание.

– Правильно решил. А как насчет обслуживающего персонала? Откуда их возят на этот завод?

– Похоже, что обслуживающего персонала там почти нет. Вероятно, завод производит ограниченный ассортимент продукции, а для этого много персонала не нужно. Кстати, я проверил накладные, ассортимент ввозимого сырья за все время заметно изменился только один раз.

– А ассортимент вывозимой продукции?

– Никакой продукции не вывозится, все складывается где-то внутри.

– Когда они начали производство?

– Сразу после нового года. В середине апреля у них резко увеличилось производство и поменялся ассортимент, и с тех пор ничего не менялось.

– Что изменилось в продукции?

– Я арендовал в университете немного времени псевдоинтеллектуального компьютера, получается, что вначале они делали то ли легкие транспортные средства, то ли ручное оружие, а потом стали клепать строительную технику.

– И много оружия успели наделать?

– Тонн пятьсот. В пересчете на пистолеты – полмиллиона.

– Зачем им столько?

– Затрудняюсь сказать. Тем более странно, зачем им столько строительной техники.

– Предположения есть?

– Одно есть, но оно очень... гм...

– Бредовое?

– Да.

– Ничего, излагай.

– В середине апреля оборвалась подпространственная связь с Деметрой. Как раз тогда на этом заводе произошло перепрофилирование производства.

– Думаешь, у них там тайный портал на Деметру?

– Я же говорил, идея бредовая.

– Тогда почему они не привозят через этот портал лекарства или, там, наркотики? Цены на деметрианскую продукцию сильно подскочили, они могли бы заработать на этом портале кучу денег.

– Не знаю.

– Может, они просто хотят развернуть в этих краях большое строительство?

– Этот район был детально изучен в 2196 году. Не обнаружено никаких полезных ископаемых, а горные породы слишком твердые, чтобы вести жилищное строительство.

– Тогда зачем они построили там завод?

– Думаю, потому, что знали, что никто другой в этот район

не полезет.

– Странно. Горные породы слишком твердые, строительство слишком дорогое, но «Хэви Метал Майнерз» именно в этом районе построила один из самых больших перерабатывающих заводов, держит это в тайне и неизвестно куда вывозит продукцию. Может, там есть другие тайные тоннели и продукцию вывозят как раз по ним?

– Если и есть, то очень далеко, все ближайšie окрестности я уже проверил. И кому нужна такая гора строительных роботов?

– Может, это не строительные роботы, может, компьютер ошибся.

– Я смотрел его выкладки: во ввозимом сырье очень характерное соотношение нескольких металлов. Если там делают не строительных роботов, то что-то очень похожее – массивные малоподвижные машины очень большой мощности. А зачем еще могут пригодиться такие машины?

– Не знаю. А как насчет следов буровой деятельности? Если они вели там строительство, то должны были вывозить пустую породу.

– Я проверил. Сейчас пустую породу оттуда не вывозят. То ли строительство уже закончилось, то ли они где-то там нашли большую пещеру, в которую все сваливают. Не знаю.

– Ты все-таки считаешь, что роботы предназначены для Деметры? Какие-нибудь еще аргументы у тебя есть?

– Только чисто умозрительные. Допустим, по какой-то

причине на Деметре перестали работать все подпространственные терминалы, кроме одного. Что будут делать хозяйка этого терминала? Напрашивающийся ответ – монополизировать весь ввоз-вывоз и заработать на этом кучу денег. Но тогда другие компании не пожалеют ничего, чтобы получить доступ к этому терминалу, начнется настоящая война, а в такой войне можно потерять больше, чем приобрести. Будь я на месте хозяев этого портала, я бы повел себя по-другому.

– Как же?

– Экономика Деметры имеет большой аграрно-сырьевой перекос. Но там располагается лучший университет человечества, такого количества ученых на душу населения нет больше нигде. Допустим, Деметра оказалась изолированной от остальных планет. Население Деметры больше не может импортировать все необходимое с Земли и Гефеста, им нужно переходить на самообеспечение. Нужно очень много строить, и если где-то сохранился один портал, через который можно ввозить строительную технику, это даст колоссальное преимущество тому, кто им владеет.

– Но почему этот кто-то не вывозит на обратном пути деметрианскую продукцию на Гефест? Так можно заработать гораздо больше.

– Это очень легко обнаружить, а тогда правительство Гефеста сразу же захватит контроль над порталом. Обнаружить тайный завод, штампующий строительное оборудование, гораздо сложнее.

– А на Деметре? Всем сразу станет ясно, что оборудование завозится извне.

– Возможно, второй конец канала принадлежит правительству Деметры. В любом случае, там проще сохранить в тайне наличие канала, чем здесь.

– Но они начали строить этот завод еще в прошлом году. Знали, что связь с Деметрой оборвется?

– Возможно. Я точно не знаю. Но, по-моему, эту версию не стоит отбрасывать.

– Ты прав, отбрасывать не стоит. Какие-нибудь идеи, что делать дальше, у тебя есть?

– Все, что можно сделать своими силами, мои ребята уже сделали. Теперь надо либо прекращать расследование, либо подключать дополнительные силы.

– Какие силы? Хакеров?

– Я уже пробовал. Инфраструктура завода полностью отрезана от глобальной сети. Хакеры говорят, что это непохоже на межсетевые экраны, скорее, физическая изоляция. Мне трудно судить... Может, стоит настучать в планетарную полицию?

– Может, и стоит... – задумчиво протянул Хируки. – Знаешь, Рю, подготовь-ка мне подробный отчет. Конкретные мероприятия не упоминай, только выводы, причем выводы должны быть обоснованными. Сделай отчет, который можно отправить в полицию или... короче, действуй.

– Здравствуй, Дзимбээ.

– Здравствуйте, Абубакар.

– Как дела?

– Все в порядке. Обе крепости пионеров уничтожены, ребята только что закончили зачистку. Авиация сработала чисто, зачистка, собственно, и не нужна была.

– Языков взяли?

Дзимбээ виновато развел руками.

– К сожалению, ни одного. И компьютеры полностью уничтожены. Я отвез Окаяме кое-какие обломки, но сильно сомневаюсь, что из них можно восстановить информацию.

– Плохо.

– Так получилось. Мы же не знали, что силовые кабели там вдвое тоньше, чем на чертежах. Вся энергия пошла в стены, соответственно, все сгорело.

– Сколько пионеров уничтожено?

– Если считать и людей, и ящеров, то тысяч восемь. Сколько бойцов, а сколько мирных жителей, сказать трудно, там даже трупы считать трудно, одна сплошная зола с костями.

– Ящеров много?

– Больше, чем людей.

– М-да... Похоже, мы их сильно недооценили. Как Ратников?

– В восторге. Говорит, что управлять истребителем очень приятно, хочет еще летать.

– Отбомбился нормально?

– Вполне. Бросок был очень точный, правда, бомба взорвалась слабее расчетной мощности, но и этого хватило с лихвой.

– Я думал, он откажется бомбить Исламвилль.

– Он бомбил Карасу, Исламвилль обрабатывал Вайшна-вайя. Я решил, что не стоит испытывать психику Ратникова, он и Карасу не сразу согласился бомбить.

– Сейчас он не страдает?

– Наоборот, в полном восторге. Может, его постоянно задействовать на воздушных операциях?

– Для него есть более важная работа. Вертолет или истребитель – большой разницы для нас нет, в вертолет можно посадить любого, а бойцов класса Е у нас только трое. Пока пусть отдыхает, потом ему можно будет позволить еще разок слетать, но пусть готовится к тому, что основная его работа будет на земле. С бомбардировкой все?

– Все.

– Тогда съезди к Окаяме, поговори с ним насчет спутниковой связи.

– Трояны не нашлись?

– Пока нет. Токиро клянется, что троянов в сети нет. Он считает, что у пионеров сидит живой шпион в «Деметра онлайн». Потребуется твоя помощь.

- Я могу немного отдохнуть?
- Потом отдохнешь, дело очень срочное.
- Тогда не смею задерживать.
- Счастливо!
- Всего доброго.

9

Якадзуно заметил, что в окружающей обстановке что-то изменилось. На первый взгляд все оставалось тем же самым, тот же перегруженный «Муфлон», тот же хаос на полу грузового отсека, который раньше был пассажирским салоном, Возлувожас по-прежнему лежал рядом и спал, негромко похрапывая, Евсро по-прежнему сидел за рулем, все было так, как прежде, но что-то изменилось.

Евсро что-то сказал. Якадзуно не расслышал его из-за рева пропеллеров, встал, чтобы пробраться в переднюю часть машины, и в этот момент до него дошло, что изменилось. Тумана вокруг больше не было, через забрызганные окна машины внутрь проникали солнечные лучи.

Якадзуно посмотрел в окно и остолбенел. Исчезновение тумана было не самым большим изменением в окружающем пейзаже. «Муфлон» летел уже не над травянистым ковром, а над голой землей, обугленной и спекшейся от того жара, что стоял здесь несколько часов назад. Тут и там попадались обгорелые коряги, густой тропический лес как будто слизнула

языком гигантская корова. Если далеко позади на горизонте смутно различалась зеленая стена джунглей, то впереди, насколько хватало зрения, простиралась безжизненная выгоревшая пустыня.

– Здесь было срузосл Сегалкос, – процедил Евсро сквозь крепко стиснутые зубы. – Две тысячи ящеров, не считая женщин и детей. Мы едем по следу огненного смерча.

– Город был прямо здесь? – удивленно переспросил Якадзуно.

– Нет, километра через два впереди Вон, видишь развалины?

Якадзуно ничего не увидел, потому что человеческое зрение заметно хуже ящерского. Якадзуно все увидел минуты через три, когда машина остановилась прямо посреди бывшей улицы. Евсро открыл дверь и вылез наружу, держа в одной руке видеокамеру.

– Земля еще теплая, – сообщил он.

Якадзуно последовал за ним, выбрался из машины и стал озираться по сторонам. Зрелище было жуткое.

Бывший поселок ящеров больше всего напоминал большой песочный торт, уставленный разнообразными головками и башенками из зефира и чего-то еще. Только здесь вместо поверхности торта была обугленная земля, по щиколотку засыпанная пеплом, а вместо украшений – глинобитные есов, запеченные до блестящей корочки. Якадзуно заглянул в ближайшее есо, подождал, пока глаза привыкнут к темно-

те, огляделся, и ему стало плохо. Он едва успел отойти на два шага в сторону, как его начало долго и мучительно рвать. Краем глаза Якадзуно уловил, что Евсро снимает его на видеокамеру, но сил возмущаться уже не было.

Внутри есо на земляном полу, запеченном до состояния обожженной глины, тут и там лежали зажаренные трупы. Некоторые из них скорчились в самых немыслимых позах, их тела были изломаны нечеловеческой (неящерской?) предсмертной болью. У самого входа колобком скорчился мертвый ребенок лет трех, было видно, что он, уже будучи мертвым, немного прокатился по земле и там, где пролегал его последний путь, кожа отстала от мяса и прилипла к полу. Этакая большая шкварка. Едва Якадзуно подумал об этом, как его снова замутило, да так, что успокоить рвотные спазмы удалось только через пять нескончаемо долгих минут.

Якадзуно не успел во всех подробностях рассмотреть, что было внутри есов. Только общее впечатление – обнаженные тела, скрючившиеся в предсмертной муке, прижимаются друг к другу в напрасной надежде спастись от убийственного жара, подобно тому как земные волки спасаются таким путем от зимнего холода. И еще Якадзуно заметил, что между входом и общей кучей зажаренных тел тут и там черными катышками валяются мертвые дети. В критических ситуациях ящеры не заботятся о детях, они полагают, что жизнь взрослого гораздо ценнее жизни ребенка, новые яйца снести нетрудно, а взрослую личность, бывает, не заменит никто.

Закончив снимать корчащегося Якадзуно, Евсро заглянул внутрь есов и немножко поснимал там. Далее он стал снимать панораму улицы, а к Якадзуно подошел Возлувожас.

– Сросилью усвувхэ нафс? – спросил он, обращаясь к Якадзуно.

– Ре охшавлув ехуэв! – отозвался Евсро. – Духисейл сесе-духизо ее и шемсезл фосев возевуэ овшозу.

– Ев в уел... – смущенно пробормотал Возлувожас и заткнулся.

Якадзуно так и не понял, о чем они говорили. Ему показалось, что Возлувожас предложил Якадзуно сделать что-то такое, что было бы Якадзуно неприятно, а Евсро его осадил. Но Якадзуно не был полностью уверен в этом.

Весь мир вокруг был однотонно-серым и удивительно сухим для субэкваториальной части Деметры в конце сезона дождей. Похоже, огонь так мощно прокалил землю, что все грунтовые воды испарились, а новые порции влаги еще не успели настолько пропитать воздух, чтобы пролиться дождем. Казалось, что здесь теплее, чем обычно на Деметре, но Якадзуно не был в этом уверен, возможно, это ощущение – одно из проявлений нервного потрясения.

Подул ветер, пепел поднялся в воздух, вдоль улицы помела поземка. Евсро повернулся и стал снимать это необычное природное явление. Возлувожас переминался с ноги на ногу перед входом в есо, он то вытягивал шею, просовывая голову внутрь и смешно балансируя хвостом, то отходил в сторону

и начинал ходить взад-вперед, раздраженно приговаривая:
– Шхал ф оло, вовею, схухэ сусравевех он шхал... – и что-то еще в том же духе.

Примерно через полчаса Евсро закончил видеорепортаж, они погрузились в машину и поехали дальше. Якадзуно подумал, что в эту ночь ему будут сниться кошмары.

10

Дзимбээ обещал, что братство выделит Анатолию апартаменты по высшему разряду, но пока Анатолий временно обретался в бывшей общаге ныне закрывшегося химического завода компании «Хехст». Это общежитие еще до революции использовалось братством в качестве гостиницы. Горничная, убиравшая номер, однажды шепотом сказала Анатолию, что в этом номере провел одну ночь сам Джон Рамирес. Анатолий вспомнил смешного чернокожего великана и сразу повеселел, горничная почему-то отнеслась к этому неодобрительно. Похоже, Рамирес понемногу становится живым идиолом революции.

Если судить по отметинам на полу, оставшимся от ножек кроватей, раньше в этой комнате постоянно обитало шесть человек. Теперь лишние кровати были вынесены, а оставшиеся две составлены рядом, образуя скромный, но уютный сексодром. Также в комнате появились диван, два кресла, пять стульев, дорогой и навороченный домашний кинотеатр

и еще стационарный компьютер с неограниченным доступом к глобальной сети. Дзимбээ предупредил Анатолия, что с сетью надо работать осторожно, потому что из одного секретного источника поступила информация, что наркомафия готовит киберджихад.

Переселение в обещанные высококлассные апартаменты затягивалось на неопределенный срок, но Анатолий не испытывал неудобств по этому поводу. Это было странно, но, побывав в ящерских езузераш, Анатолий не столь придирчиво относился к комфорту, как раньше. Он перестал воспринимать свою жизнь на Деметре как обычное времяпрепровождение высокооплачиваемого служащего, теперь работа и досуг больше не были четко отделены друг от друга, вся жизнь превратилась в работу, но, странное дело, это его не тяготило, ему даже нравилось думать, что он не жалеет себя ради светлого будущего планеты по имени Деметра. Казалось бы, какое ему дело до этой планеты? Анатолий сам не понимал, почему его так увлекли идеи братства. Возможно, дело было в том, что он нуждался в оправданиях своего ухода от Ибрагима, а может, сыграла свою роль навязчивая пропаганда. Анатолий больше не воспринимал братство как собрание дебиловатых моральных уродов, он успел познакомиться со многими членами братства, и они были совершенно нормальными людьми. Они верили в то, о чем говорили, а делали большое и полезное дело – превращали большую вонючую помойку в цветущий сад. Да, эти слова затасканы мно-

гочисленными проповедниками, но если отвлечься от всей той грязи, которую раньше прикрывали этими словами, что плохого в том, чтобы превратить планету в цветущий сад?

Анатолий стал проводить много времени в глобальной сети. Он даже стал заходить в чаты, в последнее время там много говорили о политике, и Анатолий все чаще замечал, что политика братства больше не вызывает у него такого отвращения, как раньше. Да, братство уничтожило все звездные вокзалы, да, планета оказалась в изоляции, это было очень рискованно, но уже видно, что братство справилось с кризисом первых дней революции. Войска конфедерации частично уничтожены, частично перешли на службу к новым хозяевам, кое-кто ушел к наркомафии, но эта раковая опухоль в свое время тоже будет удалена.

Голода не было. Продукты до сих пор распределяются по карточкам, но рацион уже не так однообразен, как в первое время. Если не задумываться над тем, что вся пища представляет собой генетически измененные дуйвэ, то ее можно нормально есть. Бифштекс из деметрианских грибов на вкус несколько не хуже бифштекса из земной говядины.

Тотальный хаос, которого все боялись, так и не наступил. Братство быстро навело порядок, пару сотен мародеров расстреляли на месте, и все стало нормально. Люди продолжали жить, как жили раньше, они ходили на работу, отдыхали, развлекались, растили детей, и никто не страдал от того, что правительство теперь составлено в основном из выс-

ших иерархов братства. Кроме них, в правительство вошли многие уважаемые люди, не участвовавшие в революции, например Андрей Кузнецов, ректор университета Вернадского. Леннонцы не фанатики, они прагматики, они даже большие прагматики, чем те, кто стоял у власти до них. Сколько лет парламент Деметры обсуждал, не пора ли начать терраформинг, но стоило произойти революции – и терраформинг больше не обсуждают, его делают.

С улиц Олимпа навсегда ушел туман. Если приглядеться, на юге можно различить фронт облаков, проходящих сквозь дренажное отверстие в центре ветрового щита, но это не мешает нормально жить. Это даже забавно, хочешь дождя – достаточно отъехать на несколько километров на юг от Олимпа, и будет тебе дождь, там всегда идет дождь, а на улицах Олимпа всегда сухо. А ведь это только первый шаг. Когда в Морийских горах пробуряют первый тоннель и болота начнут осушаться, все изменится гораздо сильнее и Олимпийские болота превратятся в настоящий цветущий сад.

Конечно, есть и проблемы, но братство их успешно решает. Вот, например, вся химическая промышленность осталась без потребителей продукции и заводы встали. Казалось бы, надвигается гуманитарная катастрофа, но нет, только патологические бездельники оставались без работы дольше двух недель. Хочешь работать – пожалуйста, идешь на биржу труда и получаешь распределение. Работа строителя не требует высокой квалификации, надо только следить, чтобы

работы четко выполняли все, что от них требуется, и не занимались ерундой. Рабочих мест при новой власти стало даже больше, чем при старой. То ли еще будет, когда в Нью-Майами запустят термоядерный реактор...

Многие боялись войны с ящерами, но и тут братство все сделало правильно. Ящеры на собственной шкуре прочувствовали свой принцип хахех ив осусув. Вы нам хахех – нападать на наши фермы, а мы вам осусув – ковровая бомбардировка всех близлежащих городов, и попробуйте только сказать, что наше осусуэ меньше, чем ваше хахех. Братство все делает правильно, такое бы правительство да на Землю...

Деликатный стук в дверь отвлек Анатолия от философских мыслей.

– Войдите! – крикнул он и слез с дивана.

Дверь распахнулась, и в комнату вошла высокая статная женщина ослепительной красоты.

– Здравствуйте, – произнесла незнакомка глубоким грудным голосом. – Я ищу Анатолия Ратникова.

– Вы его нашли, – ответил Анатолий и почему-то покраснел. Ему вдруг стало стыдно за то, что он разговаривает с такой шикарной женщиной голый по пояс, босой и небритый, он как будто вдруг оказался голым в общественном месте.

– Меня зовут Полина, – отрекомендовалась незнакомка, – Полина Бочкина. Я так много слышала о вас...

– Да ну, – смутился Анатолий, – что вы могли обо мне слышать?

– Очень многое! Вы привезли на Деметру взрывчатку, которой мы взорвали все базы свиноголовых. Вы сбежали из Исламвилля на ранце Бэтмена и пролетели двести километров в стратосфере без скафандра. Вы проникли в Карасу, скопировали все данные из локальной сети и вернулись обратно, целый и невредимый, да еще взяли языка. Наконец, вы разбомбили Карасу. Вы умеете летать на настоящем боевом истребителе, подумать только!

– Откуда вам все это известно? Полина кокетливо сморщила носик.

– Можно, вы будете называть меня на «ты»? – спросила она. – Это как-то неудобно...

– Только если взаимно.

– Договорились.

– Так откуда ты все это знаешь? Ты работаешь с Дзимбээ?

– Нет, я работаю с Танакой.

– С полковником Ногами?

– Ага, я у него офицер для особых поручений. Нет, нет, у меня нет никакой крутой трансформации, не надо на меня так смотреть! Я больше по связям с общественностью, всякие переговоры, контакты, журналисты...

– Вы... то есть ты пришла у меня интервью брать?

– Нет, что ты! Мне просто захотелось посмотреть на живого героя. Ты не обижаешься, что я раскопала твой адрес в закрытой базе данных?

– Мне даже приятно. Ты позволишь, я переоденусь?

– Конечно. Мне выйти?

– Да, если можно. Я обычно не страдаю стеснительностью, но ты...

Полина звонко рассмеялась. Как колокольчик, подумал Анатолий.

– Давай переодевайся, – сказала она. – Я подожду тебя в коридоре.

И с этими словами она вышла из комнаты.

Анатолий посмотрел на свое небритое отражение в зеркале и неожиданно для самого себя показал ему язык.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Полина повела Анатолия в ресторан с каким-то незапоминающимся китайским названием. Она сказала, что это самое приличное место в ближайших окрестностях, и если не заказывать машину, а идти пешком, то ничего лучшего в пределах досягаемости не найти. Они шли по улице, Полина привлекала всеобщее внимание, все встречные мужчины и половина встречных женщин пялились на нее, разинув рот, а она как будто не замечала всеобщего восхищения, она не шла, а порхала, обходя дурно пахнущие лужи и распространяя вокруг себя волнующую ауру чего-то легкого, неземного и воздушного.

Месяц назад трудно было представить себе, что можно так просто взять и выйти на улицу. Но ветровой щит положил конец сезону дождей, грязь подсохла, и теперь улицы стали не только проходимыми, но и почти сухими.

Полина болтала без умолку. Вначале она пыталась расспрашивать Анатолия про его геройские подвиги, но Анатолий упорно отмалчивался, отделяваясь односложными междометиями, и, восприняв это как проявление геройской

скромности, Полина начала рассказывать сама.

Она поведала, что у нее есть одна очень умная и добрая, но некрасивая подруга, и когда ее обидел один молодой человек, сказав, что она страшная, она ему так ответила... Когда Полина дословно воспроизвела, что ответила наглему ее подруга, Анатолий невольно рассмеялся, а дедок лет восьмидесяти, ковлявший навстречу, поскользнулся и чуть не упал. Бедняга, он не понял, в каком контексте прозвучали эти слова.

Странное дело, самая жуткая брань в устах Полины звучала ангельской песней. Полина была большая, подвижная и какая-то вся сияющая изнутри. Если бы Анатолию было лет на двадцать поменьше, он подумал бы, что уже влюбился.

Ресторан оказался тем самым, в котором произошла первая встреча Анатолия с Ибрагимом.

– Тебе не нравится этот ресторан? – спросила Полина, увидев странное выражение, появившееся на лице Анатолия. – Пойдем в другой, мне все равно...

– Нет, ничего, давай посидим здесь.

Ресторан почти не изменился с тех времен. Только матовые стекла в окнах заменили на прозрачные, а вместо мазохистов на сцене резвились эротичные девушки. В остальном все было то же самое.

Полина снова начала весело щебетать, Анатолий слушал ее краем уха, а потом пришел официант, Полина заказала амброзию, Анатолий – тоже, после первого глотка щебета-

ние Полины перестало раздражать, а еще минут через десять Полина и Анатолий весело болтали о всякой ерунде. Одним словом, вечер удался.

2

Путешествие из Исламвилля в Осулев заняло почти сутки. В принципе, расстояние было не такое большое, но в машине был всего один опытный водитель – Евсро, да и тот, честно говоря, был не так уж и опытен. К середине первого дня пути Евсро заявил, что сильно устал, и предложил на выбор либо остановиться отдохнуть, либо пусть Якадзуно попробует занять его место. Якадзуно выбрал второй вариант.

Управлять «Муфлоном» оказалось не так уж и трудно, главное – не превышать безопасную скорость, которая для начинающего водителя составляет около тридцати километров в час. Если ехать быстрее, есть шанс напороться на корягу или провалиться в яму. Анатолий ездил быстрее, но его трансформация позволяет ему учиться управлять неизвестными машинами гораздо быстрее, чем это могут обычные люди. У Якадзуно такой трансформации не было, и потому ему приходилось ехать медленно.

Ближе к вечеру за руль попытался сесть Возлувожас, но у него ничего не вышло – посадка водителя во всех человеческих машинах очень неудобна для ящера, и потому им очень трудно научиться управлять человеческой техникой. Евсро

сказал, что ему пришлось целый день тренироваться на машине с заглушенным двигателем, прежде чем он осмелился впервые поднять в воздух автомобиль на воздушной подушке.

Дорога была тяжелой. Болота быстро кончились, дальнейший путь пролегал через джунгли. Продираться через них напрямую было решительно невозможно, но, к счастью, на карте, записанной в память бортового компьютера, были отмечены реки, озера, болота и всякие другие прогалины в сплошном массиве растительности. Тем не менее даже Евсро не рисковал выжимать из «Муфлона» больше сорока километров в час.

Следы огненного смерча встречались на пути еще не раз. Ехать по выжженной равнине не в пример легче, чем по извилистой речушке, но и Евсро, и Якадзуно старались при первой же возможности покинуть район бомбардировки. Когда Якадзуно видел посреди бескрайнего пепла закопченные есов сожженного езузерл, ему становилось не по себе, он вспоминал страшную картину, увиденную в срузоле Сегалкос, и уводил машину обратно в лес. Судя по тому, что Евсро тоже предпочитал обходить стороной бывшие пожарища, он испытывал сходные чувства. А Возлувожас, видя очередное пепелище, начинал злобно бормотать, чередуя слова шхал, слижв и вовею в самых разнообразных комбинациях.

Наступила ночь и ехать стало еще труднее. Хоть «Муфлон» и был оборудован приборами ночного видения, но

двигаться, когда ты видишь дорогу не в лобовом стекле, а на нечетком черно-белом экране посреди приборной панели, совсем непросто. Можно было включить фары, но электрический свет посреди джунглей отлично виден со спутника, а потому лучше не рисковать. Скорость стала поистине черепашьей. Хорошо, что следы пожарищ в темноте не так отчетливо видны, как на свету.

К утру зона бомбардировки осталась позади. А незадолго до полудня путешествие подошло к концу, машина въехала в стольный град Осулев.

Это произошло очень быстро, только что «Муфлон» медленно полз над узкой лесной дорогой, и вот дорога делает крутой поворот, а за поворотом она перегорожена рогатками, а рядом стоят четверо ящеров с электрическими пистолетами в набедренных кобурах.

Евсро остановил машину и, не дожидаясь, когда пропеллеры перестанут вращаться, открыл водительскую дверь, вылез наружу, крикнул что-то приветственное, широко растопырил руки и потянулся всем телом, забавно вибрируя хвостом. Ящеры засуетились, начали что-то кричать, один из них скрылся в придорожной чаще и через минуту вернулся в сопровождении еще одного, тоже с пистолетом, но заметно старше на вид. Этот ящер подошел к машине, почти-тельно поприветствовал Евсро, они немного поговорили, а затем рогатки были отодвинуты к обочине, «Муфлон» снова поднялся в воздух и поплыл к центру города, сопровождает-

мый десятком ящеров с электрическими пистолетами. «Боги, сколько же у них оружия!» – подумал Якадзуно.

3

Жизнь Анатолия снова вошла в размеренную колею. Предводители наркомафии, деморализованные жестоким воздушным ударом, затаились в своих убежищах и больше не отваживались беспокоить братство партизанскими налетами. Анатолий не обольщался, это затишье временное, враг копит силы для решительного удара, но пока все было тихо и не было никакой необходимости день и ночь проводить на службе, разрываясь между сотней дел, которые нужно одновременно выполнить. Время от времени Дзим-бээ отправлял Анатолия проверить очередной сигнал, но все тревоги оказывались ложными. Это было нормально, ведь то, что народ проявляет бдительность, – очень хороший симптом. Если люди оповещают власти о потенциальной опасности, значит, они доверяют властям.

Анатолий стал встречаться с Полиной каждый день. Ему было легко с ней, а она, странное дело, по-настоящему гордилась тем, что такой великий герой стал ее другом. Ей было наплевать, что информация о подвигах Анатолия не вышла за пределы узкого круга посвященных, Анатолий был нужен Полине не для того, чтобы хвастаться знакомством с героем перед друзьями и подругами. Анатолий сам не знал, зачем

он нужен Полине. Он видел, что ей с ним так же легко, как и ему с ней, и если бы он был моложе и не столь циничен, он решил бы, что между ними вспыхнула любовь.

Полина работала в аппарате мэрии Олимпа, она считалась офицером для особых поручений, но на самом деле была обычным менеджером. Когда в стране происходят большие потрясения, становится модно присваивать военные звания всем подряд. Эта революция не стала исключением.

Впрочем, Полина была не обычным менеджером, она была менеджером экстра-класса. У нее был талант от бога общаться с людьми, договариваться с ними и убеждать. Когда полковник Ногами не мог добиться от кого-то беспрекословного подчинения, он поручал это Полине, и через пару дней взаимопонимание устанавливалось. Как-то полковник даже проговорился, что, когда война закончится, он сделает Полину мэром Олимпа. Полина не верила, что эта должность светит ей, она была не так наивна, но слышать такие слова от собственного начальника было приятно.

Полина много работала, ее мобила постоянно трезвонила, бывали даже моменты, когда она говорила по трем линиям одновременно. Это раздражало Анатолия – он хотел разговаривать с Полиной, а не присутствовать молчаливым слушателем при том, как она говорит по телефону. Один раз Анатолий даже сказал, что ей следовало бы пройти специальную трансформацию, чтобы она могла одновременно говорить и по телефону, и так. Полина рассмеялась волнующим и ма-

нящим смехом (только она умеет так смеяться), а потом погрузилась и сказала, что специальных трансформаций больше не будет лет сто, если не больше. Кто знает, сколько времени потребуются деметрианской науке и промышленности, чтобы создать на планете первый кибергенетический центр. Свиноголовые политики запрещали открывать такие центры за пределами Земли, и, надо сказать, их предосторожность себя оправдала.

Странное это было общение. Полина и Анатолий встречались в самых разных местах в самое разное время суток. Каждый раз никто из них не знал, сколько продлится встреча, потому что в любой момент любой из них мог получить срочный вызов, по которому надо нестись сломя голову решать очередную проблему, возникшую у революции. Но когда им удавалось провести вместе целую ночь, это всегда было чудесно.

К концу второй недели знакомства Анатолий понял, что любит Полину. Любовь не вызвала в его душе гигантской бури эмоций, временно превращающей спокойного и уравновешенного человека в настоящего безумца. Для постороннего взгляда в душе Анатолия ничего не изменилось, просто в один прекрасный момент он понял, что любит Полину, и это знание отложилось в его мозгу, как и то, что его зовут Анатолий Ратников и что он работает в особом отделе братства.

Рамирес захлопнул дочитанную книгу, неопределенно хмыкнул, отхлебнул амброзии и уставился в пространство. Книга выпала из рук и шлепнулась на ковер рядом с креслом, в котором он сидел. На обложке было написано «Шекспир. Отелло».

Рамирес не любил Шекспира, он не понимал, почему так много людей преклоняются перед этим писателем. Ну что такого гениального в истории про то, как профнепригодный наследник престола по имени Гамлет на протяжении сотни страниц никак не может разрешить политический кризис? Или как двое влюбленных подростков вместо того, чтобы развлекаться в виртуальности, позволили себе настолько углубиться в любовное безумие, что оно унесло их жизни? Раньше Рамирес думал, что такие сюжеты достойны занесения в историю психической болезни, но не в книгу, которую считают классикой. Но теперь он перечитал «Отелло» и уже не знал, что думать.

Раньше Рамирес считал ревность глупой атавистической эмоцией, недостойной настоящего мужчины. В самом деле, глупо ревновать любовницу! Ну и что, что она занимается любовью не только с тобой, но и с кем-то еще, она взрослый человек (или почти взрослый), и никто не может запретить ей выбрать того партнера, а не этого. Любовь – не толь-

ко обладание, но и уважение, а какое может быть уважение, если ты не признаешь за любимым человеком права самостоятельно выбрать, кого любить? Сейчас Рамирес думал об этом, и чем дальше, тем больше ему казалось, что все дело в том, что раньше он просто не понимал, что такое любовь.

Полина – удивительно любвеобильная женщина, во времена Шекспира ее назвали бы шлюхой. Она изменяла Рамиресу постоянно и регулярно, иногда ему даже казалось, что ее любвеобильность переходит в неразборчивость, а то и в нимфоманию. Но каждый раз Полина возвращалась в маленький уютный домик в дальнем углу университетского сада и Рамирес все забывал. Она никогда не рассказывала о своих похождениях, если Рамирес не начинал сам ее расспрашивать. Она говорила, что для нее никто не сравнится с ее любимым большим черным человеком, что она любит его, любит всем сердцем, и какое значение имеют мимолетные случайные связи? Рамирес верил ей и не придавал большого значения ее непостоянству.

Теперь все изменилось. Дело было не в том, что Полина чаще стала не ночевать дома, нет, теперь это, наоборот, стало реже. Дело было в том, что в последнее время, когда Джон и Полина сидели рядом перед телевизором и ее рука покоилась в гигантской ладони Джона, все чаще Полина резко вставала и уходила в другую комнату. А в минуты страсти Рамиресу все чаще казалось, что Полина думает о ком-то другом. Она отдалялась, все дальше и дальше с каждым новым днем.

Вначале Рамирес спрашивал у нее, в чем дело, не болит ли голова, не случилось ли неприятностей на работе, не беременна ли она, в конце концов. Полина отделялась односложными ответами и при первой же возможности прерывала разговор. Однажды он не выдержал и навесил на одну из ее блузок маленький подслушивающий жучок, оставшийся у него еще с Гефеста. И тогда Рамирес узнал все.

Полина не была беременна и у нее не было неприятностей на работе. Просто она встретила другого человека, которого полюбила, полюбила так же безоглядно и бездумно, как раньше полюбила Рамиреса. А больше всего Рамиреса потрясло, что этим человеком был Анатолий Ратников.

Как будто время снова вернулось в конец марта и то невидимое состязание на Гефесте, которое Рамирес вчистую проиграл, снова возобновилось. Как будто Ратникову было мало того, что он сорвал операцию по доставке на Деметру золотого цверга, теперь он решил добить Рамиреса окончательно.

Рамирес связался с Дзимбээ Дуо и сказал ему, что встретил в Олимпе Анатолия Ратникова. Дзимбээ ответил, что в этом нет ничего удивительного, потому что Анатолий давно перешел на сторону братства и теперь работает в особом отделе под непосредственным руководством Дзимбээ. А что было раньше, то былшем поросло. Рамирес спросил, вернул ли Анатолий начинку цверга, но Дзимбээ пробурчал что-то невнятное и сказал, что очень занят и перезвонит позже. Но так и не перезвонил.

Рамирес слушал разговоры Полины и Анатолия до тех пор, пока в жучке не села батарейка. К большому удивлению Рамиреса, Полина и Анатолий почти не занимались сексом, будто им это совсем не нужно. Казалось, их больше занимает не сам секс, а общение, многозначительные взгляды, дружеские объятия, страстные поцелуи и прочие подобные вещи, которые кажутся сущей ерундой тому, кто никогда не был влюблен. Секс у них занимал совсем не такую роль, какую он обычно занимает в отношениях мужчины и женщины. Для них он не был главным, это было просто приятное дополнение к... Рамирес боялся произнести это слово даже мысленно. Потому что он знал, что это за слово. Это было слово «любовь».

Все проходит, сказал какой-то древний философ, и любовь не является исключением. Но Рамирес не мог этого допустить. Мир без Полины сразу становился тусклым, черно-белым и беспросветно мрачным. Он не мог дать ей уйти, не мог и все. Но что он мог сделать?

Мавр по имени Отелло, такой же сильный и умный, как Джон Рамирес, решил проблему кардинально. Вернее, ему показалось, что он решил ее, но когда он сделал то, что считал нужным, он понял, что это не решение. Рамирес и так знал, что это не решение. Но он не знал, что может быть решением проблемы. Он сидел в кресле, рядом на ковре валялся томик Шекспира, а в большой лысой голове Рамиреса роились сумбурные мысли.

Мое имя пусто, удача ушла,
Судьбу мою скрыла пустынная мгла.
Тьма опустилась, солнце зашло,
Что было нашим, бесследно ушло.
Что же мне делать, куда мне идти?
Радости нет, даже мысли горьки.
Ты рассмеялась, хлопнула дверь,
Я тихо плачу, мне больно, поверь.
Мне одиноко, я сам по себе,
Все, что осталось, – боль по тебе.
Я сижу дома, мне тяжело.
Память осталась, счастье ушло.

Полина действительно рассмеялась, когда сегодня днем выходила из дома. Нет, она смеялась не над Рамиресом, она смеялась над собой. Она зацепилась сумочкой за ручку двери и рассмеялась, радуясь собственной неуклюжести. Она очень смешливая женщина.

5

«Муфлон» медленно полз по улицам ящерского города, по бокам и чуть сзади бодрой рысцой трусил почетный караул, за рулем сидел Евсро, а Якадзуно непрерывно вертел головой, разглядывая пейзаж за окном.

Город Осулев заметно отличался от езуезрл, в которых доводилось бывать Якадзуно. Широкие улицы, ничем не за-

мощенные, но тщательно выровненные. Большие двух – и трехэтажные дома, похожие по архитектуре на традиционные есов, но сложенные из нормального кирпича. Какие-то длинные здания с большими окнами, затянутыми целлофановой пленкой. Детские площадки непривычного вида – лестниц, качелей и турников почти нет, зато на каждой площадке обязательно имеется полоса препятствий, да такая, что даже тренированному человеку непросто ее преодолеть. Все понятно – ящеры плохо лазают, зато великолепно прыгают. Жилые районы чередовались с промышленными, и когда Якадзуно впервые увидел большое здание без окон и с дымящей трубой на крыше, он очень удивился и спросил Евсро:

– Разве у вас есть промышленность?

Евсро фыркнул и ответил вопросом на вопрос:

– Ты думал, мы совсем варвары? – и продолжил после некоторой паузы: – Честно говоря, ты почти прав. Двадцать лет назад мы были варварами, но вы научили нас строить большие заводы вместо маленьких мастерских. До знакомства с людьми мы не строили детских площадок, наши дети учились прыгать в лесу. Но ваши ученые сказали, что если построить специальное место для прыжков, дети будут быстрее развиваться и меньше калечиться, и теперь у нас детская смертность на одну пятую меньше, чем была раньше. Как видишь, мы можем учиться друг у друга.

Якадзуно хмыкнул. Да, ящеры учатся у людей, но чему научились люди у ящеров?

Евсро как будто прочел его мысли.

– Наши нехесусосей предсказывают погоду с такой точностью, какая недоступна вашим метеорологам. Мы научили вас делать ейрас, которое вы называете амброзией. Мы научили вас, что за хахех следует отдать не другое хахех, как вы раньше считали, а целое осусув. Возможно, последнему вас не стоило учить.

– Уже поздно говорить о том, чему нас стоило учить, а чему не стоило, – вздохнул Якадзуно. – А это что такое? Храм?

– Да, шуво Фэрв. Тебя удивляет, что у нас есть храмы?

– Меня удивляет, что я не видел их в ваших деревнях.

– В езузераш их не бывает. Нет смысла строить большое здание там, где живет всего сотня ящеров. Хочешь зайти внутрь?

– Разве нас не ждет швуэ Ойлсовл1

– Один час роли не играет.

С этими словами Евсро свернул на обочину и остановил машину. Почетный караул недоуменно столпился вокруг. Евсро вылез из машины и что-то прокричал вооруженным ящерам.

– Я сказал, что ты хочешь извиниться за свой народ перед Фэрсо, – сказал он, обращаясь к Якадзуно. – Ты навел меня на хорошую мысль, этот жест поможет ловиюво не видеть в тебе врага.

– Что я должен сделать? – спросил Якадзуно.

– Войди внутрь и немного побудь внутри, я сказал, что ты

хочешь провести обряд в обществе одного меня. Никто не увидит, чем ты будешь заниматься в шувоз. Я бы рекомендовал осмотреть фрески, некоторые из них очень любопытны.

– Я не буду осматривать фрески, – сказал Якадзуно. – Ты подсказал мне хорошую идею, я действительно должен извиниться перед твоим Фэрсо.

Евсро дернулся как от удара.

– Больше не говори так, если не хочешь оказаться на всеязо ухез, – сказал он. – Фэр – не имя, фэр означает сын. Если ты называешь бога моим сыном, ты тем самым творишь богохульство.

– Извини, – смутился Якадзуно, – я не хотел тебя обидеть.

– Я понимаю. Но другие могут не понять.

Шуво Фэрв представляло собой белое прямоугольное строение размером примерно десять на пять метров. Стены были сложены то ли из оштукатуренного кирпича, то ли из чего-то очень похожего. В высоту здание составляло метра четыре, и еще метра на полтора над крышей возвышался купол, выкрашенный багряно-красной краской.

– Купол символизирует восходящее солнце, – пояснил Евсро. – Когда Фэр вылупился из яйца, снесенного Езой-ласл Овузуюв, солнце впервые вышло из-за облаков, которые до того вечно укутывали плоть кеней. Солнце осветило зубы Фэрв и отразилось в них, и свет наполнился силой и прогнал туман, и впервые в истории олув наступило сухое время и охий стали любить зир раз и другой, и зирэ отложили

алшав и родились жехл, маленькие овоэшлалк и жеграшлал. И езойлакл лухе вэхла свершило свой первый оборот.

– У всех народов истории сотворения мира очень похожи, – заметил Якадзуно.

– Да, но у вас Сузаш сотворил олу самостоятельно, а Фэр пришел позже. И вы почему-то считаете, что Сузаш и Фэр едины.

– Я не христианин, – уточнил Якадзуно, – я верю в старых богов.

– Прости. Я думал ты веришь, как большинство.

Внутри храм был почти пуст. Здесь не было ничего, похожего на алтарь, здесь вообще не было ничего, кроме голого земляного пола да настенных росписей. Росписи изображали разнообразные сцены из жизни ящеров, Якадзуно начал было их разглядывать, но вовремя остановил себя.

– Как происходит ритуал? – спросил он.

– Какой ритуал? – не понял Евсро.

– Ну, попросить у Фэрв прощения за человеческую расу...

– Нет никакого ритуала. Ты просто думаешь, а когда решишь, что подумал достаточно, можно уходить.

– Но зачем тогда нужен храм?

– Здесь легче думать.

– Я должен принять какую-то определенную позу?

– Располагайся так, как тебе удобнее.

Якадзуно подошел к стене, противоположной от входа, и сел в позу лотоса. Он закрыл глаза и начал медитировать.

Он сразу почувствовал, что медитация пошла необычно, как будто загадочный Фэр вмешался в процесс, что он внимательно слушает мысли Якадзуно и вроде бы даже что-то отвечает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.